

УДК 9

DOI 10.21661/r-473160

Е.О. Княжева

ФРАНКО-ЮГОСЛАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ОСВЕЩЕНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ 1934 ГОДА

***Аннотация:** франко-югославские отношения являются темой, пока мало изученной в современной отечественной историографии. В советское время этому вопросу уделялось внимание только в связи с попытками Франции создать систему коллективной безопасности в Европе от агрессии стран-ревизионистов, а также в связи с началом сотрудничества стран Малой и Балканской Антанты с СССР. Однако в работе автор остановился непосредственно на двустороннем сотрудничестве двух государств, которое объясняет не только вопросы политики 1930-х гг., но и является ключом к пониманию некоторых процессов современности. Двусторонние отношения государств по модели «наставник – ученик», проблема значения личности в истории и, наконец, проблема роли диалога правительства с общественностью посредством СМИ касательно вопросов выработки вектора внешней политики.*

***Ключевые слова:** франко-югославские отношения, Марсельское убийство, французская пресса 1934 года, Третья Республика, Королевство Югославия.*

Е.О. Kniazheva

FRANCO-YUGOSLAV RELATIONS IN THE COVERAGE OF THE FRENCH PRESS IN 1934

***Abstract:** franco-Yugoslav relations are a topic that has so far been little studied in modern Russian historiography. In the Soviet era this issue was given attention only in connection with the attempts of France to create a system of collective security in Europe from the aggression of the revisionist countries, and also in connection with the beginning of cooperation between the countries of the Lesser and Balkan Entente with the USSR. However, in the work the author focused directly on the bilateral cooperation of the two states, which explains not only the policy issues of the 1930s, but*

also is the key to understanding some of the processes of our time. Bilateral relations of states in the model of «mentor – student», the problem of the importance of the individual in history, and, finally, the problem of the role of the government's dialogue with the public through the media regarding the issues of foreign policy vector.

Keywords: *Franco-Yugoslav relations, the Marseilles murder, the French press of 1934, the Third Republic, the Kingdom of Yugoslavia.*

Глава 1. Югославия как региональный партнёр Парижа:

истоки и перспективы сотрудничества

§1. Развитие франко-югославских отношений

в исторической ретроспективе

Ещё с рубежа XIX – XX вв. Франция и Сербия были тесно связаны в экономической, политической и культурной сферах. Эти «братские узы», как любили писать французские корреспонденты, берут своё начало в первых десятилетиях существования автономного Сербского княжества, когда Франция стала для ведущих политических кругов государства оплотом демократии, на которого следует равняться.

Французская республика, казалось тогда, аккумулировала в себе достижения мировой цивилизации и плоды культурного развития – настоящий идеал для молодого государства, в котором пробудились внутривластные процессы после долгой спячки под турецким «игмом». Особо привлекателен для Сербии, пока что только автономной, но стремившейся к обретению статуса абсолютно независимого государства, был образ революционной Франции, которая «благодаря революциям 1830 и 1848 гг. и установлению Второй, а затем Третьей Республик стала постоянным источником вдохновения для всех политических реформаторов в Сербии в XIX и начале XX вв.» [42, с. 93]. Таким образом, Сербия, пробивая себе путь к демократии, знала, на какие образцы ей следует ориентироваться.

Так, Первая сербская революция (1804–1813 гг.) современниками считалась наследницей Великой Французской Революции, преемницей её системы

ценностей, главным звеном которых было право наций на самоопределение – священное правило, высоко почитаемое гордым народом, желавшим вновь обладать собственным Сербским государством [42]. Затем последовало установление Конституции 1835 г., разработанной, в основном, по образцу французской конституции.

Французское влияние всё активнее проникало в различные аспекты политической, экономической и культурной жизни Сербии. После подписания Парижского мирного договора в 1856 г., который довольно значительно отодвинул на второй план Россию в качестве влиятельного политического игрока на Балканском полуострове, Франция стала играть одну из важнейших ролей в данном регионе – с этого времени французское присутствие начинает отчётливо проявлять себя в деле формирования политической машины княжества, наряду с такими европейскими лидерами, как Австрия и Великобритания. Во-первых, как отчётливо подчёркивает ряд современных исследователей, именно из Франции в Сербию «пришла» многопартийность, официально установленная в 1881 г, когда был принят Закон о Свободе Ассоциаций и Организаций [42, с. 105]. Во-вторых, благодаря совместному влиянию Франции и Великобритании, в балканском княжестве в 1858 г. был принят закон о Великой Народной Скупщине (*Velika narodna skupština*) – так появился балканский аналог западноевропейскому парламенту. Впоследствии Конституция 1901 г. установит двухпалатную Скупщину.

Французское влияние проникало на полуостров благодаря тому, что значительная часть представителей из различных политических партий Сербии (либеральной, прогрессивной и радикальной в особенности) была представлена людьми, получившими высшее образование во Франции, любившими её и считавшими, что Сербии есть чему поучиться у Третьей Республики. Ведущий специалист по франко-сербским отношениям, сербский исследователь Душан Батакович отмечал: «Франкофилы во всех политических партиях Сербии были хорошим показателем распространения французского влияния – как в отношении присутствия французских идей, так и в прямой или скрытой поддержке

сербского общества...» [42, с. 99]. Политические партии Сербии, устроенные по западноевропейскому образцу, стали исключительным явлением на Балканах – регионе, который только «учился» демократическим порядкам Западной Европы.

В 1880-е гг. радикальная партия Сербии под руководством Николы Пашича, несколько раз впоследствии занимавшего пост премьер-министра Сербии (1891–92, 1904–05, 1906–08, 1909–11, 1912–18 гг.) и Королевства сербов, хорватов и словенцев (1918, 1921–24, 1924–26 гг.), непосредственно ввела в сербские города и деревни политику, сформированную под влиянием французских радикалов-прогрессистов. Таким образом, французская демократия последовательно проникала во все слои сербского общества.

Влияя на становление политической системы в Сербии, Франция имела также активное экономическое и культурное сотрудничество с молодым балканским государством. Как нами уже упоминалось, многие сербские политические деятели закончили высшие учебные заведения во Франции (выдающимися примерами являлись выпускники Сорбонны – Андра Николич, Милован Дж. Милованович, Йован Скерлич и Йован Жуйович) [43, с. 9]. Французский язык становился языком интеллигенции. Так, один французский журналист, путешествуя по Сербии ещё непосредственно перед событиями Балканской войны, отмечал: «...если вы остановите армейского офицера и попросите его показать вам дорогу, вы услышите ответ на безупречном французском языке...несмотря на родство языков, на русском здесь говорят мало... Но французский превалирует...студенты всё чаще выбирают для изучения французский...наше [французское] «Литературное Общество» имеет большой успех» [42, с. 124].

(Андра Николич – председатель Народной Скупщины Королевства Сербия в 1909–1918 гг.; Милован Милованович – премьер-министр Королевства Сербия в 1911–1912 гг.; Йован Скерлич – один из руководителей Сербской социал-демократической партии (с 1905 г.), руководитель левого крыла партии Независимых радикалов (с 1908 г.; Йован Жуйович – министр иностранных дел

Королевства Сербия (август – декабрь 1905 г.), министр просвещения и религиозных дел (май – июль 1905 г., октябрь 1909 – сентябрь 1910 гг.)

В годы Первой мировой войны сотрудничество приобрело военный характер. Надо сказать, что военные франко-сербские отношения развивались ещё до Первой мировой войны: так, завод Шнейдер-Крезо продавал оружие Сербскому государству – однако до 1914 г. ещё не представлялось случая для непосредственного взаимодействия двух армий. Война 1914–1918 гг. стала одним из наиболее важных и трагичных событий XX в. для обоих государств, что отразилось на традиции, сохраняющейся до настоящего времени во Франции и Сербии, называть Первую мировую войну не иначе, как «Великая война».

В течение трёх лет (1916–1918 гг.) за принципы свободы и справедливости боролись, сражаясь бок о бок, солдаты французской и сербской армий в траншеях Салоник под общим командованием генералов Сарая, Гийома и Франшэ д'Эспере. В честь 12-ой годовщины Компьенского перемирия, 11 ноября 1930 г. на Калемегдане в Белграде в присутствии короля Александра Карагеоргиевича и королевы Марии, высших должностных лиц правительства Французской республики и ветеранов Салоникского фронта был открыт памятник Благодарности Франции, на котором были выгравированы следующие слова: «Мы любим Францию как она любила нас 1914–1918 гг.». Таким образом, была отдана дань уважения союзнику-спасителю, с которым Югославия желала продолжать и развивать сотрудничество – такого рода официальные действия непосредственно на это указывали.

В Сербии и во Франции всегда помнили и сейчас стараются бережно охранять память о совместных ратных подвигах и взаимной преданности двух армий. Современные сербские исследователи, продолжая традиции своих предшественников, с некоторой даже наивностью восторгаются таким военным сотрудничеством. Так, Душан Батакович пишет: «Союз между Сербией и Францией и во время Великой Войны оставался атипичным примером, так как строился на общей системе ценностей, а не на политических или территориальных уступках в ущерб своим соседям» [43, с. 10]. Конечно, такого рода замечаниям не стоит

беспрекословно доверять, ведь правительство любого государства ведёт свой внешнеполитический курс, в первую очередь, исходя из собственных национальных интересов, которые могут идти в русле национальных интересов другого государства, что способствует уже выработке общей системы ценностей. Однако, в любом случае, вопросы политики оказываются на первом плане, а идеология уже следует за ними.

По итогам Великой войны в декабре 1918 г., не без поддержки Французской Республики, на карте Европы появляется новое балканское государство, вобравшее в себя разнородные, отличные в историческом, политическом, культурном, национальном и религиозном плане регионы – так было образовано Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. – Королевство Югославия), с первого же дня своего существования раздираемое массой внутренних противоречий, остававшихся нерешаемой проблемой для югославского правительства вплоть до трагических распадов сначала Королевства, а затем и Социалистической Республики Югославия.

Третья Республика, став одним из гарантов сохранения основ Версальского миропорядка, была обеспокоена проблемами стабильности в центральном и юго-восточном регионе Европы. Главы французского правительства верили, что стабильность должна спасти Европу от новой трагедии, и вот, по словам французских корреспондентов, «после войны, история Югославии и Франции соединяется на каждом важном этапе в движении к миру» [60, с. 1]. Одним из способов для достижения этого мира французское правительство видело в установлении системы региональных союзов под своим покровительством: в 1921 г. была сформирована Малая Антанта (КСХС, Чехословакия и Румыния), а позднее, в феврале 1934 г., Балканский Союз, или Балканская Антанта (Югославия, Румыния, Греция, Турция). Обе Антанты имели целью противодействие ревизионистским державам (Германии, Австрии, Венгрии, Италии и Болгарии) в их стремлении изменить международные постановления (границы, военные ограничения) Версальского мирного договора. Так, Малая Антанта активно противостояла венгерскому ирредентизму и реставрации Габсбургов, в то время как Балканская

Антанта была призвана защитить от ревизионизма Италии и Болгарии. Поддержания статуса-кво стало первоочередной задачей для новообразованных союзов. Кроме того, как отмечал советский исследователь С.И. Рябоконь: «По замыслам французской дипломатии Балканский пакт должен был дополнять Малую Антанту и вместе с ней способствовать усилению французского влияния на Балканах» [27, с. 96].

С созданием французской системы союзов правительства Третьей Республики и Королевства сербов, хорватов и словенцев переходят на этап активного политического взаимодействия; такое сотрудничество было оформлено *de jure* посредством заключения 11 ноября 1927 г. договора о дружбе сроком на 5 лет (затем договор был продлён 28 октября 1932 г.), подписанного в Париже министрами иностранных дел А. Брианом и В. Маринковичем. Главное содержание этого соглашения заключалось в согласованности сторон о немедленной взаимопомощи в случае неспровоцированного нападения третьего государства – противник не назывался, но, бесспорно, современниками угадывался – таким врагом была Италия.

Италия на рубеже 1920–30-х гг. считалась противником как для Югославии, так и для Франции в силу своей активной внешней политики в регионе. Страна под руководством Муссолини стремилась стать лидером в Юго-Восточной Европе, а потому предлагала проекты многосторонних союзов, стремясь ослабить французскую систему коллективной безопасности: так, наиболее тщательно разработанным вариантом был план по созданию Дунайской Антанты, в которую бы входило 10 стран с противоречившими друг другу национальными интересами (что и привело к невозможности осуществления этого проекта): Польша, Чехословакия, Австрия, Венгрия, Румыния, Югославия, Болгария, Албания, Греция и, наконец, Италия [35, с. 110]. Кроме того, такого рода идеи терпели неудачу из-за опасений государств Центральной и Юго-Восточной Европы, что Италия не сможет ограничиться исключительно мирным сотрудничеством, не прибегая к «решению» территориальных вопросов в свою пользу.

На рубеже 1932–1933 гг. итало-югославские и итало-французские отношения значительно обострились (в связи с ростом ревизионизма в Италии и, следовательно, стремления вытеснить Францию из стран Юго-Восточной Европы и распространить собственное влияние в регионе, а также в связи с непосредственными территориальными претензиями на некоторые регионы Югославии, в особенности на Далмацию); так возникла угроза вооружённого конфликта на балканском полуострове – к границам были сконцентрированы войска Королевства Югославии и Третьей Республики. Постепенно напряжение начинало спадать, однако к 1934 г. проблемность в отношениях Италии с Францией и Югославией так и не была снята – итальянский вопрос оставался открытым, мешая установлению общеевропейской системы коллективной безопасности, которая всё ещё оставалось целью для миролюбивых европейских политиков Франции и Югославии. Но не только (и не столько) политические изменения на международной арене стали причинами для наметившегося краха французской системы союзов.

В 1929 г. разразился всемирный экономический кризис, который в значительной мере затронул политическую ситуацию во Франции – в Третьей Республике невозможность бороться с кризисом вылилась в постоянную смену правительств в 1930–1934 гг. и череду политических скандалов и кризисов, пиком которых стал 1934 г., начавшийся беспрецедентным делом финансового мошенника Александра Стависского, оказавшегося связанным с некоторыми высокопоставленными членами французского правительства, и последовавшими за ним массовыми выступлениями правых сил в Париже 6 февраля. Естественно, такая внутренняя нестабильность способствовала падению авторитета Франции на международной арене, и прежде всего в восприятии участников французской системы союзов. Наряду с падением политического влияния, шло сокращение экономического сотрудничества Франции с её юго- и восточноевропейскими партнёрами.

Югославия не могла быть удовлетворена торговыми отношениями исключительно с Францией, которая также обладала развитым аграрным сектором, а потому не нуждалась в закупке балканскими продуктами, ведь, как отмечалось в

статье «Le Petit Parisien», «мы (*Е.К. – французы*) не можем покупать у неё (*Е.К. – Югославии*) ту продукцию, которую имеем уже в избытке» [63, с. 1].

Таким образом, наблюдалось постоянное падение роли Франции в экономической жизни Центрально-Европейских государств. Складывалась следующая непростая ситуация, рождавшая дисбаланс: Югославия политически ориентировалась на Францию и её систему союзов, в то время как главными её экономическими партнёрами были Италия, Германия и Австрия. Такая ситуация складывалась в связи с тем, что Югославии, фактически, не было шанса выбирать себе экономических партнёров. По утверждению современного исследователя балканского регионального порядка в межвоенный период О.И. Агансон, балканские страны имели схожую социально-экономическую систему с преобладающим аграрным сектором и, поэтому, оказывались на иностранных рынках, фактически, в положении конкурентов [1, с. 14–15]. Третья Республика также не нуждалась в продуктах югославского производства, имея собственное развитое сельское хозяйство. Следовательно, выходом из своего рода экономической «изоляции» виделось сотрудничество с державами-ревизионистами – Италией и Германией.

Так, по данным годового отчёта по Югославии за 1934 г., подготовленного сотрудниками Форин Оффиса, Италия занимала первое место среди стран, участвующих в торговом экспорте Югославии, покупая товары стоимостью в 592 миллиона динар (22, 64% – доля от общего импорта Италии), за Италией шли Австрия (437 млн) и Германия (390 млн); Франция же занимала лишь двенадцатое место, уступая таким (неожиданным!) странам, как Бельгия (122 млн), Греция (102 млн) и Швейцария (100 млн), а общая стоимость товаров, закупаемых Третьей Республикой у Королевства, равнялась 33 миллионам динар, что было почти в 18 раз меньше, чем тратила Италия, и составляло всего 1,26% от общего импорта Франции [73, с. 531].

Данные о доле импорта в Югославию различных стран представляют схожую картину. Так, главным импортёром также была Италия, продавая товары стоимостью в 416 миллионов долларов (15, 92% от общего итальянского импорта),

за ней шли Германия (371 млн) и Австрия (326 млн). Франция была немного выше в рейтинге стран-импортёров, занимая седьмую позицию (102 млн; 3,9% от общего импорта Третьей Республики) и уступая, таким образом, трём вышеназванным странам, а также Чехословакии, Великобритании и Соединённым Штатам, обгонявшим Францию и в доле импорта югославских товаров [73, с. 532].

На основании приведённых данных мы можем утверждать, что Третья Республика и Югославия оставались второстепенными экономическими партнёрами и что их союз держался, в большей степени, на политическом сотрудничестве. Такое неустойчивое положение следовало каким-то образом разрешить в ту или иную сторону, что и предпринял в 1932 г. король Александр, начав секретные переговоры с Муссолини. Однако в 1934 г. Муссолини положил конец такого рода сотрудничеству, отказавшись принять югославского министра иностранных дел Боголюбa Евтича, когда тот прибыл в Рим с секретным донесением от короля. Параллельно проходили переговоры с Германией, и 1 мая 1934 г. был подписан германо-югославский торговый договор, взволновавший французское правительство и ознаменовавший наступление экономики Третьего Рейха на государство, в союзе с которыми была заинтересована Третья Республика.

1934 г., как мы постараемся показать в нашем исследовании, стал определяющим рубежом для выбора Югославией дальнейшего пути развития под главенством союзника, которого предстояло ещё выбрать в качестве основного политического и экономического партнёра.

На страницах французских газет такая политическая ситуация вылилась в активную агитацию за сотрудничество Югославии с Францией, отмечалось, что «минимальные выгоды, которые может получить Югославия от того или иного договора с Германией, никогда не смогут сравняться в её глазах с той ролью, которую играет Франция в её жизни» [63, с. 1].

Однако реальность оказалась таковой, что Королевство после Марсельской трагедии 9 октября 1934 г. и смены глав правительства постепенно стала «охлаждать» к сотрудничеству со своим «ратным товарищем», которому буквально

на днях клялась в «вечной дружбе». Блок ревизионистских государств оказался интереснее для посталександровской Югославии в попытках найти выход из экономического кризиса.

Переход от сотрудничества с Францией к сближению с Германией стал общей тенденцией для большинства стран Малой и Балканской Антант и оказался составной частью цепочки трагических событий, повлекших за собой новую катастрофу – Вторую Мировую войну.

§2. Образ Югославии во французской прессе 1934 г.

В выборе союзника главное – не просчитаться в близкой и дальней перспективах. Поэтому государство, которое ищет союза или размышляет над дальнейшим его укреплением, должно рассмотреть все «про» и «контра». Этот вопрос встал на повестке дня после окончания Первой мировой войны и последовавших за ней мирных переговоров, установивших новый, Версальский миропорядок. Франция для обеспечения европейской безопасности (под собственным чутким руководством) и установления в некотором роде «санитарного кордона» против распространения влияния коммунизма содействовала образованию системы союзов (Малой и Балканской Антант), неотъемлемой частью которых стало Королевство Югославия. Однако для легитимации обществом правительственных шагов надо было каким-то образом объяснить такого рода сотрудничество. Поэтому на страницах французской прессы мы находим статьи, специально посвящённые рассмотрению тех замечательных качеств балканского государства, которые должны были показать французскому интеллигенту, зачем его страна тратит время, силы и деньги на союз с ним. Однако мы не будем слепо доверять тому, как красочно описывали французские журналисты прекрасную югославскую страну, а обратимся к фактам и сравним их с тем, что нам дают СМИ Третьей Республики.

Говоря о внешнеполитическом курсе Югославии, рядом исследователей отмечается некоторого рода прямолинейность югославского руководства: американский исследователь Э.Т. Комджати отмечает, что главным принципом короля Александра было поддержание статуса-кво, из чего проистекало чёткое деление

стран на «друзей» и «врагов». Безусловными политическими «друзьями» являлись Франция и союзники по Малой и Балканской Антантам. «Врагами» были, в первую очередь, Италия и Венгрия (страны, в которых не утихали ревизионистские настроения по отношению к итогам Первой Мировой войны и, соответственно, территориальные притязания на земли, вошедшие в состав Югославии), а также Австрия и Болгария, также имевшие территориальные претензии к Королевству. Однако, как нами уже отмечалось, лучшими покупателями югославской сельскохозяйственной продукции были не её «друзья», имевшие собственное развитое аграрное производство, а её, условно говоря, «враги» (Германия, Италия, Австрия, Венгрия). Таким образом, возникала некоторого рода дихотомия внешнеполитического курса Югославии.

Вдобавок к перечисленным сложностям, к 1934 г. подняло голову террористическое движение, представленное двумя группировками: ВМРО (Внутренняя Македонская Революционная Организация) и усташское движение (хорватская ультраправая организация во главе с Анте Павеличем и Евгеном Кватерником), которые в 1929 г. договорились объединить террористические действия с целью освобождения Хорватии и Македонии. Так началось их взаимодействие в подготовке убийства короля Югославии. Почему же «македонцы» и хорваты так ненавидели Александра Карагеоргиевича? Ответ прост и кроется в общей централизаторской политике и, в частности, в печально известном и традиционном сербохорватском противостоянии, ставшим решающим фактором в установлении диктатуры короля Александра. Апогеем противостояния сербов-централистов и хорватов-сепаратистов стал инцидент 20 июня 1928 г., когда в Скупшине сербским радикалом был убит глава популярной среди хорватов Хорватской крестьянской партии Радич. Король не нашёл иного выхода, как провозгласить свою неограниченную власть в государстве и постараться создать из разобщённого в этническом плане королевства единое Отечество для всех югославян.

Несмотря на всю эту неоднозначность югославской политики и клубок внутриюгославских противоречий, французские журналисты отмечали опытность короля Александра в политике и тот замечательный факт, что он считал

«политику престижа» не самым удачным курсом государства, предпочитая «политику смысла» (*une politique de raison*) [74]. В целом, обратившись к французской прессе 1934 г., мы обнаружили большое количество неточностей и даже кардинальных ошибок в выстраивании журналистами образа балканского Королевства. Обратимся к их рассмотрению.

«Занимая площадь в 248.987 квадратных километров, Югославия в настоящее время насчитывает порядка 14 миллионов жителей, из которых более 12,5 миллионов представляет югославский народ (*la race yougoslave*), что делает Югославию одной из наиболее этнически *гомогенных* стран Центральной Европы,» [75] – писал корреспондент газеты «L'Homme Libre». Это интересное высказывание вряд ли можно назвать верным для той страны, которую с первого дня образования (тогда под названием Королевства сербов, хорватов и словенцев) раздирали межэтнические споры, противоречия и амбиции разных народов, объединённых единой волей сербской династии Карагеоргиевичей. Пожалуй, даже смешным покажется данное высказывание современному человеку, знающему о том, какая межэтническая «резня» происходила на Балканском полуострове в конце прошлого столетия. Таким образом, в данной фразе мы видим непонимание французской общественностью того, что происходило в новообразованном югославянском государстве. Пресса слепо вторила тому, что провозглашалось с правительственных трибун Королевства, не прибегая к исследованиям внутренних процессов, происходящих в стране, которую рассматривала в качестве будущего союзника.

Несмотря на свою «гомогенность», Югославия, по утверждению французской прессы, всё же представляла собой интересное переплетение «региональных, социальных и культурных различий, которые дополняют друг друга в деле укрепления национального единства» [75]. Причём эти «региональные различия» сравнивались с французской системой провинций, которые являют собой пример того, что можно назвать привлекательным многообразием. Таким образом, получалась следующая ситуация: Югославия и Франция, не имеющие никаких общих черт в своём историческом развитии, в 1930е гг. чудесным образом

оказались замечательными примерами «привлекательного многообразия», что не могло не поощрять развитие двусторонних отношений между государствами. Что сейчас кажется смешным и неправдоподобным, читалось и утверждалось образованными кругами французской общественности. Правительство Третьей Республики считало, что, если нет каких-либо исторических предпосылок к объединению или общих черт, неминуемо сближающих две страны, то следует их придумать, подогнать и, главное, убедить в этом общественность. Отсюда и проистекают рассмотренные нами пассажи на страницах газет-официозов.

Какие же материальные выгоды Франция рассчитывала получить от сотрудничества с Югославией (ведь духовным единообразием сыт не будешь)? Почему Франция должна была развивать и углублять сотрудничество с Королевством? Корреспонденты объясняли такое стремление к сближению со стороны Франции следующими факторами:

1. Огромные природные богатства Югославии, благодаря которым, как утверждала французская пресса, Королевство могло «прокормить удвоенное собственное население» и «может уверенно смотреть в будущее» [75]. Среди природных богатств отмечаются плодородные почвы Югославии, руды и драгоценные металлы.

Напротив, британские дипломаты отмечали, что в 1934 г. произошло падение добычи таких полезных ископаемых, как уголь (3,5 млн тонн за 1932 г. и 2,4 млн за 1934 г.), бокситов (67 тыс. тонн за 1932 г. и 56 тыс. тонн за 1934 г.). Кроме того, существовала ещё одна проблема: хотя производство железа и стали возросло, однако международные цены на них упали в связи с уменьшением строительной активности [73, с. 527–528].

2. «Важное и в то же время непростое геополитическое положение» [75]. Территория Югославии – мост между Европой и Азией; перекрёсток дорог, тянувшихся из Восточной Европы к Малой Азии – в связи с этим «территории Югославии, на протяжении своей истории, часто становились театрами военных событий, последним из которых следует назвать 1914 г.» [75].

Преимущество расположения страны на Балканском полуострове – выход через Адриатическое море к Средиземному, что способствовало развитию морской торговли Королевства и рыбному промыслу. Назывались следующие данные: общий тоннаж морской коммерции вырос с 124.500 т. (в 1921 г.) до более 400.000 т. (в 1934 г.).

Обзор британского Форин Оффиса был не таким радужным (английские дипломаты писали о задолженности судоходных компаний и общем устаревании югославских пароходов), однако, действительно, отмечался некоторый прогресс в морском и речном судоходстве [73, с. 526].

3. Наблюдался общий прогресс Королевства Югославии в области образования. Шло активное строительство школ. Так, по данным «L'Homme Libre», в 1919 г. насчитывалось 5.610 начальных школ (659.876 учеников) и 120 старших школ (42.631 ученика), когда в 1932 г. уже 8.118 школ (1.244.880 учеников) и 170 старших школ (77.013 школ) [75]. К тому же, велась борьба с неграмотностью. Таким образом, Югославия представляла собой богатый ресурс образованных кадров.

4. Шло развитие инфраструктуры: строились новые дороги, мосты, туннели. Этому пункту вторила и британская дипломатия, правда с некоторыми оговорками, обнажавшими ряд проблем: так, между Югославией и Румынией затягивались переговоры относительно строительства Дунайского международного моста (стороны не могли прийти к соглашению касательно места, где он должен располагаться; в итоге, Дунайский мост был построен, но уже после Второй мировой войны, в 1954 г., и до сих пор он соединяет румынский и болгарский берега);

5. Распахивались и обрабатывались новые пашни.

По донесениям британских дипломатов из Югославии, действительно, возросла урожайность кукурузы (3,6 млн тонн в 1933 г. и 4,8 млн тонн в 1934 г.). Однако урожайность остальных культур в 1934 г. по сравнению с 1933 г. значительно упала: пшеница – с 2,6 млн тонн до 1,9 млн тонн; ячмень – с

463 тыс. тонн до 408 тыс. тонн, овёс – с 371 тыс. тонн до 334 тыс. тонн и рожь – с 245 тыс. тонн до 195 тыс. тонн.

6. Проходила активная индустриализация страны. За 11 лет (с 1920 г. к 1931 г.) было построено почти 3 000 новых предприятий (с 413 предприятий в 1920 г. к 3.309 в 1931 г.). Происходила урбанизация преимущественно аграрной страны. Росли такие города, как Загреб, Нови Сад, Сплит. В связи с городским развитием государство стало бережнее следить за здоровьем граждан и общественной гигиеной.

Корреспондент «L'Homme Libre» пришёл к следующему итогу: «Прекрасное будущее заказано югославскому народу, если только будет обеспечен длинный период мирного развития» [75]. Однако, если брать во внимание материалы Форин Оффиса, которые в силу своего официального характера (внутриведомственная переписка заведомо исключает любого рода фантазии по отношению к международной ситуации) и политического равнодушия Великобритании к Югославии являются более объективными, нежели статьи передовых французских газет, то оказывается, что не таким уж успешным было экономическое развитие Королевства. Кроме того, как мы знаем, «длинный период мирного развития» в 1930-е гг. не был предоставлен даже самым быстро развивающимся странам Европы, поэтому Югославия, как это ни грустно отмечать, так и не смогла достичь своего «прекрасного будущего».

Итак, для того чтобы не быть увлечённым красивыми пассажами французских журналистов о всеобщем благоденствии Югославии, мы обратились к внутриведомственной переписке британского Форин Оффиса за 1934 г. И вот какая общая картина представлялась английскими дипломатами: «Решительная пропаганда и оборонительное управление национальной валютой продолжается с целью дальнейшего поддержания впечатления того, что Югославия находится в наиболее выгодной экономической позиции, чем другие дунайские государства, однако серьёзный анализ ситуации приводит к заключению о том, как вся тяжесть экономического положения успешно скрывается» [73, с. 519]. Следовательно, мы снова приходим к выводу, что французская пресса в своих статьях во

многим создавала такой образ Королевства, какой прививался югославской пропагандой. Вряд ли правительство Третьей Республики слепо верило всем этим лозунгам об общем благоденствии балканского государства, однако внешнеполитические интересы были для послевоенной Франции превыше всего. Для успешного проведения курса на сближение с Югославией, необходимо было общее одобрение его (как, собственно, и одобрение по отношению ко всей внешней политике Третьей Республики в целом) со стороны французской интеллектуальной общественности, которая, читая каждое утро за завтраком «Le Temps», «Le Petit Parisien» или «L'Homme Libre», должна была осознанно проникаться одобрением к разумному сотрудничеству с мощной балканской державой. Производился своего рода двойной обман: Югославия пыталась преподнести перед европейскими союзниками ложный образ собственного величия, а затем французское правительство, вряд ли особо верившее королевской пропаганде, старалось внушить своему же интеллектуальному сообществу тот самый благоприятный образ, который выстраивался Белградом.

Во главе королевства Югославии – стоял её лидер – король Александр, наделивший сам себя особыми полномочиями, а потому величаемый в Европе в начале 1930-х гг. не иначе как «деспот». Однако не такой образ представителя династии Карагеоргиевичей встречаем мы на страницах французских передовых газет, которые уверяли читателя в том, что Югославия смогла к 1934 г. многого достичь во многом именно благодаря политике её короля. Так, газета «Le Temps» отмечала: «Под управлением короля Александра Югославия стала державой, существованию которой не может ничего угрожать; в противном же случае весь европейский порядок охватит глубокое потрясение... Она стала силой, поддерживающей равновесие и мир, которую нельзя недооценивать» [76].

Официальные круги Франции поддерживали короля Александра, о нём писались восторженные статьи, в которых поддерживался миф о любви к нему «ведущих» народов Югославии. Так, когда в начале октября 1934 г. ожидался визит короля Александра и королевы Марии во французскую столицу газета «Le Temps» посвятила статью югославской диаспоре во Франции и писала: «Малая

югославская семья Парижа в радостном оживлении. Король Александр и королева Мария уже в эту среду будут прогуливаться по Елисейским полям, и все наши друзья, сербы, хорваты и словенцы, которые уже долгое время являются нашими гостями, соберутся вместе с парижанами, чтобы поприветствовать королевскую чету (*Е.К. – дословно, своих правителей*). Югославская диаспора, которая насчитывает по всей Франции сотню тысяч членов, из которых шесть тысяч живёт в Париже, радостно готовится к этим праздничным дням» [77]. Далее, что любопытно, в статье идут перечень и описания праздников, которые отмечает югославская диаспора, даже находясь за сотни километров от своей родины. Французский корреспондент перечисляет следующие праздники: день рождения короля Александра (17 декабря), день Святого Саввы (27 января, однако автор статьи даже не знал точной даты и написал – «в начале февраля»), Видовдан («в июне месяце»). Таким образом, автор статьи [77] упоминает традиционные сербские праздники, которые не так уж пышно отмечались другими «титультными» народами Югославии. На этом основании можно сделать ещё один вывод: французские корреспонденты (да и в общем-то французы) были далеко не экспертами в области этнологии Югославии и зачастую приравнивали понятия «сербское» с «югославским». Отсюда огромное количество неправильных толкований тех или иных политических, социальных и культурных явлений в таком очень сложном государственном образовании, как королевство Югославия.

Таким образом, Франция с XIX в. стала для Сербии, а впоследствии и для Югославии некоторым примером для подражания, копирование французских образцов создало основу для сближения двух государств, военное содействие которых в Первую мировую войну стало началом довольно прочных двусторонних отношений по типу «наставник – ученик» в межвоенный период. Стремление Третьей Республики сохранять устойчивое влияние в балканском регионе предопределило настроение главных печатных органов страны, стремившихся изобразить выгодный образ Югославии как потенциального союзника для Франции. Такого рода патетика зачастую расходилась с истинным положением Югославии, в то время ещё очень молодого и неокрепшего государства.

Теперь приступим к рассмотрению того, как обе страны шли на сотрудничество друг с другом, каковы были вопросы, встававшие на пути их крепкой дружбы, и был ли вообще достижим прочный союз между Югославией и Францией в 1934 г.

*Глава 2. Роль государственных визитов и встреч на высшем уровне
в развитии франко-югославских отношений*

*§1. Визит министра иностранных дел Югославии Боголюб Евтича
в Париж (10 – 13 июня 1934 г.)*

Боголюб Евтич стал официальным лицом Королевства, открывшим череду дипломатических встреч между Югославией и Францией.

Югославский министр вступил в должность в 1932 г., по словам французских корреспондентов, «в эпоху, в которую Югославия подвергалась наиболее ожесточённым атакам со стороны возбуждённых ревизионистских держав» [78]. С таким замечанием нельзя не согласиться, ведь 1930-е гг., действительно, были очень напряжённым временем как для балканского региона, так и для всей Европы. Боголюб Евтич являлся одним из тех министров Югославского королевства, которые активно содействовали развитию своего государства, сохранению его целостности и поддержанию высокого статуса Королевства в международном сообществе.

К 1932 г. господин Евтич имел уже довольно значительный опыт дипломатической службы: до своего назначения главой югославской дипломатии он работал в посольствах Королевства сербов, хорватов и словенцев в Лондоне и Париже в 1919–1923 гг., затем в Тиране с 1926 г. и в Вене с 1928 г. После государственного переворота в январе 1929 г. он был отозван из Вены и назначен советником короля, получив вскоре также должность помощника министра иностранных дел.

В скором времени назначенный уже полноправным главой югославской дипломатии, Боголюб Евтич стал одним из создателей организационного пакта Малой Антанты (16 февраля 1933 г.), одним из инициаторов подписания Малой Антантой в Лондоне пакта об определении агрессора, предложенного на Женевской

конференции СССР (4 июня 1933 г.), договора о дружбе Югославии и Турции (27 ноября 1933 г.) и, наконец, Балканского пакта в Афинах (9 февраля 1934 г.), ставшего основой для образования Балканской Антанты. Кроме того, господин Евтич выступал активным поборником сближения двух родственных балканских государств – Югославии и Болгарии – им же был подписан торговый болгаро-югославский договор.

Французская пресса положительно оценивала роль югославского министра на международной арене: корреспондент «Le Petit Partisien» отмечал, что сербский министр «стоял на почве действительного положения вещей со всей откровенностью и прямоотой, которые снискали всеобщее одобрение» [78].

Однако стоит добавить, что далеко не весь европейский мир мог так же восхищённо описывать личность нового главы югославской дипломатии. Так, в годовом отчёте по Югославии за 1934 г., составленном представителем Форин Оффиса Великобритании, содержится откровенно негативное описание внешности, ораторских способностей и даже национальной принадлежности министра: «Внешность господина Евтича заурядна, и он в некоторой степени косноязычен. Вероятно, в его венах течёт еврейская кровь» [73, с. 480]. Довольно нелицеприятные замечания британского дипломата указывают на то, какое общее отношение было у Форин Оффиса к Боголюбю Евтичу; безусловно, бросается в глаза замечание о «еврейской крови» министра, которое явственно было высказано без одобрения, учитывая особый антисемитизм эпохи.

Таким образом, отмеченное французской прессой «всеобщее одобрение» работы министра являлось всё же некоторым преувеличением, хотя, в действительности, правительство Третьей Республики относилось с глубоким уважением к главе югославской дипломатии, что отразилось на том тёплом приёме, который был оказан господину Евтичу во время его визита в Париж.

Югославский министр посетил столицу Франции 10–13 июня 1934 г. и тем самым открыл череду встреч на высшем уровне представителей двух государств-союзниц. Передовая пресса Третьей Республики активно освещала развитие двустороннего сотрудничества.

Цель встречи дипломатических сотрудников Югославии и Франции во французских газетах проправительственного характера представлялась идиллической – сотрудничество во благо всеобщего мира. Однако если вчитываться более внимательно в статьи передовой французской прессы, истинные причины визита оказываются довольно приземлёнными. В выпусках от 12 июня 1934 г. писалось о необходимости взаимного сотрудничества Югославии и Франции, об особой значимости их союза, учитывая ту напряжённую политическую ситуацию, которая складывалась в то время; в «L'Homme Libre» отмечалось: «Всё чаще устраиваются дипломатические поездки. Вчера господин Евтич приехал в Париж. Послезавтра канцлер Гитлер направится в Италию для встречи с господином Муссолини. В конце этой недели доктор Геббельс полетит самолётом в Варшаву. В следующий вторник господин Барту покинет Париж и направится в Бухарест и Белград» [60]. Очевидно, все процессы в международной политике ускорялись; европейские лидеры искали себе новых «друзей» и старались укрепить старые связи. Франция была в числе первых, кто ожесточённо «бился» за новых союзников и старался удержать старых. В том же номере «L'Homme Libre» отмечалось: «С этой точки зрения, для нас утешительно отметить, что наша страна не испытывает трудностей в том, чтобы обнаружить вокруг себя целую «связку» деятельных друзей» [60].

До Боголюбца Евтича поездки в Париж уже совершили его коллеги по Малой Антанте – министр иностранных дел Румынии Николае Тителеску и министр иностранных дел Чехословакии Эдуард Бенеш; таким образом, визит югославского министра в Париж стал логичным завершением этой фазы взаимодействия Франции с её союзниками по Малой Антанте; Франция, как принимающая сторона и создатель системы союзов в Восточной и Юго-Восточной Европе, не могла не быть довольна сотрудничеством со своими восточными соседями. К тому же, в феврале 1934 г. был создан новый союз – Балканская Антанта.

Однако, как отмечает К.А. Малафеев, «широкая реклама его (*К.Е. – Евтича*) визита в парижской печати только прикрывала сложность проблем, обсуждавшихся в ходе франко-югославских переговоров» [17, с. 129–130]. Среди таких

проблем особой степенью напряжённости отмечалось противостояние двух государственных группировок, а именно Балканской Антанты, тяготевшей к Франции, и блока Италии, Австрии и Венгрии, сложившегося на основе подписанных 17 марта Римских протоколов об экономическом и политическом сотрудничестве и желавшего ревизии Версальского договора в отношении балканского региона. Все представленные вопросы предполагалось если не решить, то по крайней мере выработать дальнейшие совместные действия для их решения – так в целом можно охарактеризовать цели двусторонних переговоров, состоявшихся в продолжение визита господина Евтича в Париж.

На июньский визит министра иностранных дел Югославии в Париж были запланированы встречи с высокопоставленными представителями Франции – с президентом республики Альбером Лебраном, премьер-министром Гастоном Думергом, министром иностранных дел Луи Барту и высокопоставленными лицами Третьей Республики.

Судя по описанию визита Евтича во французскую столицу, его расписание было весьма насыщенным. Из французской прессы мы узнаём вплоть до четверти часа расписание югославского министра, что показывает особый интерес, который уделялся правительством и интеллектуальной общественностью Третьей Республики визиту высокопоставленного представителя балканского Королевства.

В Париж господин Евтич прибыл 10 июня на Лионский вокзал в 22.30 из Женевы [79]. На 11 июня были запланированы все основные мероприятия и встречи. Утром к 9:45 11 июня министр иностранных дел Югославии направился к Триумфальной Арке, чтобы там, в знак уважения к героям-союзникам, павшим в боях Первой мировой войны, возложить цветы к могиле неизвестного солдата. В 10:30 в Кэ Д'Орсэ г. Евтич был принят министром иностранных дел Франции Луи Барту, с которым он вёл пятнадцатиминутную беседу; затем (в 10:45) состоялась встреча югославского дипломата с Гастоном Думергом, премьер-министром Республики. Покинув Кэ Д'Орсэ, югославский дипломат направился на встречу с военным министром Франции маршалом Петеном (в 11:00), а затем в

здании Сената он был принят Анри Беренжером, президентом комиссии по иностранным делам. В 13 часов Евтич получил приглашение на званый обед в 20:30, который устраивал Луи Барту в честь югославского коллеги. На нём господин Евтича сопровождал господин Спалайкович, посол Югославии в Париже. Кроме югославской четы, на обеде также присутствовали другие уважаемые гости из стран-союзниц и французские министры: среди них, Осуски, посол Чехословакии в Париж, Дину Кезиано, министр Румынии, Думерг, Пьетри (министр военно-морского флота), Жерман-Мартин (министр финансов) и прочие [60].

12ого июня по инициативе президента Республики в 12.45 состоялся обед в здании Королевского дворца на Елисейских полях, а затем вечером в 20.00 югославский гость был приглашён маршалом Франше д'Эспере на ужин в «Le Cercle Interallié», престижном закрытом клубе, в котором в XIX в. размещались резиденция французского короля и посольство России во Франции (проверить информацию).

13ого июня французская дипломатическая пресса (*la presse diplomatique française*) устроила обед в честь г. Евтича. Вечером в тот же день югославский министр отбыл на экспрессе (*Simplon Express*) в Белград.

Во время встреч с высокопоставленными представителями Третьей Республики Боголюб Евтич обсуждал вопросы первоочередной важности. Среди них наиболее острыми оставались извечная проблема франко-германских отношений и добавившееся к ней экономическое проникновение Третьего Рейха в балканский регион, очень беспокоившее правительство Третьей Республики.

Между Францией и Германией в то время шло противостояние в вооружённой «борьбе» за союзников. «*L'Homme Libre*» отмечал: «Мы не находимся в неведении о том, что пропаганда Рейха используется с целью увлечь из орбиты Парижа определённые капиталы (*Е.К. – имеются в виду инвестиции союзников и прибыль от торговли с ними*), которые уверенно вовлечены в сферу нашего влияния» [60]. Такого характера высказывания стали появляться в большом количестве на страницах французских периодических изданий вследствие

подписания 1 мая 1934 г. германо-югославского торгового договора, ставшего крайне неприятным сюрпризом для Франции.

«Некоторые театрализованные визиты важных представителей правительства Германии к нашим союзникам удивили общественность,» [80] – замечали корреспонденты. Кроме того, в статьях отмечалось недоумение, которое охватило французские «умы», узнавшие о том, что югославские журналисты привлекаются за Рейн, где им рассказывают о том, какие перспективы развития ждут Третий Рейх и его союзников.

Как для Франции 1930-х гг. экспансионизм Третьего Рейха являлся наиболее острой проблемой, так для Югославии особую озабоченность в то время вызывали австрийские ревизионизм и стремление к реставрации Габсбургов, которые, как считалось современниками, могли привести к активизации германской агрессивной политики.

Начало 1930-х гг. характеризовалось усилением промонархической пропаганды в Австрии. Недавнее возвращение в Вену принца Евгения, возможного «регента» нового королевства, стало острой проблемой как для Югославии, так и для Малой Антанты в целом. По замечанию «Le Petit Parisien», Боголюб Евтич выступал категорически против любого австрийского ревизионизма: «Югославия под любым предлогом не признает возвращение Габсбургов, поскольку она считает, что реставрация, отправная точка ревизии, является наиболее верным средством способствовать Аншлюссу, что, безусловно, направит германскую экспансию в страны Дунайского бассейна, вплоть до балканских границ» [78].

Кроме насущных проблем внешней политики Франции и Югославии, в связи с визитом господина Евтича французские корреспонденты отмечали также заслуги главы югославской дипломатии: в первую очередь, его роль в образовании нового союза в Юго-Восточной Европе – Балканской Антанты, «этого знаменитого объединения на Балканах, которое до настоящего момента оценивалась как утопия» [78]. В самом деле, образование этого союза затянулось на несколько лет: так, ежегодные Балканские Конференции начались ещё в 1929 г., однако страны-участницы не видели особой необходимости в более близком

сотрудничестве вплоть до 1933 г., ознаменованного активизацией ревизионизма в Европе. Балканские государства решились на подписание соглашений о сотрудничестве: в октябре 1933 г. между Турцией и Румынией был подписан договор о дружбе и арбитраже; Греция, опасавшаяся итальянских притязаний на балканские территории, обратилась с просьбой о создании прочного блока государств, способного противостоять угрозе пересмотра европейских границ, и в ноябре 1933 г. на четвёртой Балканской Конференции, состоявшейся в университете г. Салоник, её делегаты договорились о представлении Балканского Пакта правительствам четырёх государств (Турции, Румынии, Греции и Югославии) для последующего его подписания. И наконец, 9 февраля 1934 г. представители четырёх стран публично объявили о заключении Балканского Пакта, гарантирующего безопасность и уважение границ балканских государств против любых агрессивных действий, направленных на них [57, с. 68]. Вне Балканского союза оставалась Болгария, не желавшая сохранения статуса-кво в регионе, чего как раз и добивались члены новообразованной Антанты. Болгарский ревизионизм и стремление к реваншу за два национальных унижения (Вторая Балканская война и Первая мировая война) не могли позволить царю Борису III подписать Пакт. Однако для болгарского правительства это не означало полного отказа от сотрудничества с балканскими соседями – София была готова идти на подписание двусторонних соглашений, не обязывающих её проводить политический курс в одном русле с остальными членами союза. Правительства Турции, Югославии и Румынии предвидели возможность ревизионистских устремлений с болгарской стороны, а потому ещё до окончательного формирования Балканской Антанты 5 июня 1933 г. было подписано две военные конвенции между Турцией и Югославией и между Турцией и Румынией, защищавшие регион от нападения Болгарии и Италии. Греция воздержалась от подписания такого рода соглашения из-за нежелания вовлекаться в конфликт с Великой Державой, в которой явственно читалась Италия – активный экономический партнёр Афин [57, с. 68].

Кроме того, французская пресса отмечала, что сближение Софии и Белграда, ставшее «стержнем политики Белграда на Балканах» [78], было непосредственной заслугой господина Евтича.

Югославский министр вернулся в столицу Югославии. Теперь, по правилам дипломатического этикета, Франции следовало отправить своего представителя в балканское Королевство, что и было незамедлительно исполнено.

§2. Визит Луи Барту в Белград (23–25 июня 1934 г.)

Следующий государственный визит оказался ответным – и в Белград поехал министр иностранных дел Франции Луи Барту, посетивший Югославию 23–25 июня 1934 г.

«Этим утром Белград был озарён ярким солнцем». Город принял «...десятки тысяч югославов, приехавших из всех провинций с одной только целью – поприветствовать представителя Франции» [81]. Такая полная восхищённого пафоса фраза, призванная пробудить во французском читателе самые благожелательные чувства по отношению к франко-югославскому сотрудничеству, открывает первую страницу газеты «L'Homme Libre». И действительно, когда читаешь страницы французских ежедневных газет, складывается ощущение, что вся Югославия вмиг забыла о своих насущных внутренних проблемах и замерла в праздничном ожидании прибытия в Белград французского посланца. Приведём яркий пример такого рода пассажа из «Le Temps»: «Вся пресса уже посвящает длинные и хвалебные статьи по адресу представителя Франции, пребывание которого в Югославии воспринимается единодушно как историческое событие» [82]. Считалось, что перед глазами современников творилась история. Конечно, все эти цитаты из французских газет наполнены «журналистским» пафосом, однако в нём и кроется важное послание – правительство Югославии и, прежде всего, король Александр ожидали Луи Барту и хотели, чтобы вся страна обратила на этот визит особое внимание и считала это событие чуть ли ни поворотным моментом в истории Королевства.

К тому времени личность Луи Барту была уже широко известной среди европейских политиков и интеллектуальной общественности, потому как он

занимал различные посты (начиная с не особо значительных должностей) в правительстве Французской Республики немногим менее полувека, с 1894 г. Среди наиболее значимых его назначений следует выделить: пост премьер-министра Франции (март – декабрь 1913 г.), министра иностранных дел (октябрь – ноябрь 1917 г.) и председателя Репарационной комиссии (1923 – 1926 гг.). И вот, по словам журналистки Женевиэвы Табуи, в феврале 1934 г. Луи Барту, «уже более пятнадцати лет занимавший министерские посты..., пожилой господин с седой бородкой... по моде эпохи Наполеона III», был назначен Думергом новым министром иностранных дел, «однако был очень плохо встречен в министерстве иностранных дел. Его находили слишком старым» [68, с. 131]. Дипломат стремился проводить политическую линию, следуя курсу Клемансо: он остался верен Лиге Наций и французской системе союзов в Центральной Европе, всячески желая укрепления политических, экономических и культурных связей с союзниками – все эти действия имели главной целью организовать Европу против становившейся всё более грозной политикой Третьего Рейха. Как Пуанкаре и Клемансо, Барту считал, что условия Версальского договора были чересчур смягчены в пользу Германии, и это оказало неблагоприятное воздействие на безопасность Франции и Европы в целом [72, с. 167]. С целью укрепления международного положения Республики в качестве приоритетных задач Барту видел сближение с Советским Союзом и развитие дипломатических связей с Италией, которую надо было примирить со странами Малой и Балканской Антант, в первую очередь с Югославией, считавшую Муссолини своим злейшим врагом по причине итальянских притязаний на побережье Адриатического моря и другие регионы Королевства.

Очень точно внешнеполитический курс нового главы французской дипломатии был охарактеризован начальником генштаба сухопутных сил Франции генералом Гамеленом: «Дать понять Англии опасность германского перевооружения и, следовательно, необходимость для неё тесно солидаризироваться с нами... Оказать нашу поддержку Бельгии, которая прикрывала наши границы на севере... Укрепить наши связи с Малой Антантой и теми странами, с которыми мы

не связаны слишком неопределёнными соглашениями, и особенно с Польшей... Наконец, двойная задача, самая насущная и трудная: вновь усилить наши связи с Италией и включить СССР в европейский концерт на нашей стороне» [27, с. 97–98].

Луи Барту в самой Югославии считался защитником югославской, а до 1918 г. – сербской идеи: так, в своём воззвании, обращённом непосредственно перед визитом французского дипломата к жителям Белграда, мер столицы отмечал, что Барту «в годы самых тяжёлых страданий Королевства сумел защитить своей энергичной позицией дело Сербии, незаслуженно атакованное» [76]. Кроме того, личность французского дипломата высоко оценивалась в Чехословакии и Румынии. Таким образом, в условиях 1934 г., когда международная ситуация вынуждала Францию задуматься об укреплении собственной системы союзов с государствами Восточной и Юго-Восточной Европы, министра иностранных дел, более уважаемого в этих странах-союзниках, невозможно было бы найти.

Луи Барту, как многие современники признавали, был сильным и решительным человеком, а потому у него было много как доброжелателей, восхищающихся его дипломатическим талантом, так и откровенных недругов, желавших устранить, по их мнению, слишком сердобольного министра. Эдуард Эррио, в 1934 г. в кабинете Гастона Думерга исполнявший обязанности министра без портфеля и находившийся в дружеских отношениях с Луи Барту, отмечал в своих мемуарах: «Я любил Барту; на него много клеветали. Иногда его острый ум ранил или по меньшей мере жалил; он разжигал пламя ненависти у тех, кто не умел ему ответить» [70, с. 555]. Были и те, кто внушал некоторый трепет, близкий страху: так, Уилер-Беннет, будучи лично знакомым с главой французской дипломатии отмечал: «Он и Пуанкаре были двое из наиболее пугающих и холодных людей, которых я когда-либо встречал...» [72, с. 167–168].

Кроме того, как человек поистине талантливый, Луи Барту умел как работать, так и отдыхать. У него было много различных увлечений, известных правительственным кругам (а через прессу и интеллектуальной общественности)

всей Европы – так, например, зная о страстной любви французского министра к чтению и старинным редким книгам, в Белграде король Александр вручил французскому министру, «известному библиофилу» [60], оригинальное издание «Аталы» Расина. Ещё одной настоящей страстью господина Барту была классическая музыка. Эдуард Эррио, в своих мемуарах под датой 13 октября 1934 г. (день похорон Барту) оставил запись, наглядно представляющую нам образ Барту-ценителя: «Слушая в церкви бездушное исполнение мессы, я невольно вспомнил, с каким самозабвенным трепетом слушал Барту музыку в своей ложе в консерватории» [70].

Таким образом, по описаниям современников, перед нами предстаёт личность неординарного характера, широкой образованности и сильной воли – все эти качества, безусловно, оказали значительно влияние на внешнеполитический курс, проводимый Третьей Республикой в месяцы пребывания его на посту министра иностранных дел. И одной из важнейших заслуг главы французской дипломатии считается его «турне» в страны-союзницы в Центральной Европе.

Путешествие Луи Барту по столицам стран Малой Антанты стало первым визитом министра иностранных дел Франции в эти государства со времён Великой войны [82]. Встречи французского дипломата с югославским правительством рассматривались как «логическое продолжение переговоров, уже предпринятых в Женеве (*Е.К. – имеется в виду Женевская конференция по разоружению, проводившаяся со 2 февраля 1932 г. по 11 июня 1934 г.*), затем продолженных в Париже в продолжение визита господина Евтича (*Е.К. – 10–13 июня 1934 г.*) и, наконец, в Бухаресте (*Е.К. – в конце июня, прямо перед его визитом в Белград*), вместе с теми, которые проходили чуть ранее в Праге и Варшаве (*Е.К. – визиты Луи Барту в апреле 1934 г.*)» [82]. Таким образом, Белград стал последним этапом в его великом «турне» по столицам Малой Антанты, а также последней и решающей точкой во франко-югославских переговорах, непосредственно предшествующая трагическому визиту в Марсель Луи Барту и короля Александра.

Французский министр вынашивал идею создания ещё двух новых союзов, которые бы дополняли Малую и Балканскую Антанты, создавая тем самым

необходимую «подушку безопасности» для Третьей Республики: такими союзами были Восточное Локарно и Средиземноморское Локарно.

Идея Восточного Локарно была призвана дополнить Локарнские договоры 1925 г., гарантировавшие нерушимость западных границ Германии. Восточный пакт при удачных обстоятельствах его заключения должен был распространить такие гарантии и на восточные границы Третьего Рейха. В соглашении планировалось участие следующих стран: СССР, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии, Бельгии, Финляндии и, по настоянию Луи Барту, Германии (чтобы та не могла изъяслять претензии относительно её окружения союзниками Франции). Современники событий отмечали, что Барту поехал в страны Малой Антанты именно с целью обсудить возможность расширения системы союзов. Женевьева Табуи отмечала в своих мемуарах: «Барту собирается вести переговоры с югославским королём Александром о Восточном Локарно, а также о возможностях сближения между Белградом и Римом. Он полагает, что подобное сближение могло бы в случае необходимости стать основой для Средиземноморского Локарно, которое должно было стабилизировать положение в районе Средиземного моря» [68, с. 150].

Таким образом, визит главы французской дипломатии предполагал решение ряда вопросов, связанных с возможным дальнейшим (и желательным для Франции) развитием сотрудничества европейских государств с целью поддержания статуса-кво и безопасности границ.

В субботу 22 июня Луи Барту выехал на поезде из Бухареста (где, кроме того, 18–20 июня проходила конференция Малой Антанты), и, прибыв днём (23ого) в Орсову, был встречен, входя на борт югославского корабля «Король Александр», Нагъяром, Пуричем, заместителем министра иностранных дел Югославии, Кнобелем, советником дипломатической миссии Франции в Белграде, и многими другими должностными лицами Королевства. Так, дипломат покидал Румынию с целью провести ряд встреч на последнем участке своего «турне».

Вечером 23 июня «в Доньи-Милановац, где «Король Александр» бросил якорь, чтобы провести ночь, всё население города спустилось к пристани, чтобы

поприветствовать представителя Франции» [83]. Мэр города встречал Луи Барту «традиционными хлебом и солью – символами братской встречи» [84]. Французскому дипломату был известен этот славянский обычай, поэтому он объявил, что очень рад такому приёму и вообще общению с югославским народом. Затем Луи Барту направился в мэрию города, сопровождаемый «соколами» (участниками «сокольничего» движения), музыкой и народом. «В память о визите французского министра мэр предложил тотчас же дать название «Барту» улице, которая ведёт от Дуная к церкви, но государственный муж отказался, попросив муниципальный совет назвать эту улицу именем Франции» [83]. Луи Барту аргументировал свою просьбу тем, что он «министр и человек смертный, а Франция – вечна» [84], как и франко-югославская дружба. Эта замечательная цитата из «Le Temps» не только с тщательностью передаёт детали поездки Луи Барту в Югославию, но и объясняет нам то, почему до сих пор в Сербии и других странах Балканского региона мы находим много улиц, названных в честь Франции или в честь французских президентов или министров.

Проведя ночь на борту «Короля Александра», 24 июня Луи Барту отправился далее – к Дунаю. В 12.30 корабль подплыл к берегам средневекового города Смедерова, некогда бывшего столицей Сербии, где его уже встречали любопытствующие горожане на пристанях, украшенных «югославскими и французскими флагами, венками из трав, разноцветными флажками» [84]. Интересно, что в Смедерево не было запланировано никакой остановки, однако его жители знали о визите французского дипломата, а сам город был празднично украшен. Это, очередной раз, свидетельствовало о высокой доли заинтересованности югославского правительства в визите французского гостя – поэтому в разных частях Королевства население было оповещено о приезде высокопоставленного лица из-за границы, и были представлены соответствующие событию требования об украшении городов.

Из Дуная корабль направился в течение реки Савы, чтобы в тот же день в 17.00 довести французских гостей (Луи Барту и Нагъяра) и их югославских коллег (Евтича и Спалайковича) до берегов Белграда. Луи Барту, прибывшему в

югославскую столицу, был оказан не менее тёплый приём, чем в Бухаресте: его встречали премьер-министр Франции, члены правительства, военнослужащие, представители посольства Франции и многие другие дипломатические сотрудники. Главе французской дипломатии сразу же показали древнюю крепость Калемегдан с расположенными там православными церквями, посольством Франции, памятник Победителю скульптора Мештровича и Александровский лицей (?). Югославский кортеж, по традиции, представляли «соколы» – мужчины и женщины, одетые в красные рубахи и костюмы цвета хаки. Господин Евтич и господин Барту сели в машину и направились к отелю. По дороге Луи Барту мог видеть, как преобразился Белград для принятия гостей: казалось, вся столица приделалась в цвета французского и югославского флагов: синий, белый и красный. Дипломатические машины сопровождали радостные крики югославов. Распожившись в отеле и там же отобедав, Луи Барту направился к французскому кладбищу (Новое кладбище) и возложил цветы к памятнику защитникам Белграда. Вечером состоялся ужин, данный г. Евтичем в честь г. Барту, на котором также присутствовали г. Спалайкович и г. Нагъяр, а также представители прессы [84].

На следующий день (25 июня) в 10 часов утра Луи Барту, по традиции, открывает свой визит в югославскую столицу «долгом благочестия» [85] – почётным посещением могилы неизвестного солдата на известной горе Авала, которая «располагается на высоте 800 метров и в двадцати километрах от столицы» [85].

Интересно, что на этой горе с античных времён и вплоть до XVIII в. располагалась крепость Жрнов, и именно из остатков этого древнего памятника в 1934 г. был установлен Памятник Неизвестному Герою (Споменик незнаном јунаку), который ко времени визита г. Барту только начали строить и который со временем «станет югославским Пантеоном» [85]. А пока на страницах «Le Petit Parisien» печаталась фотография франко-югославской делегации у скромного памятника неизвестному солдату, представляющего собой каменную пирамиду с крестом на её вершине (см. Приложение 1 – из Le Petit Parisien. 26.06.1934. Le roi Alexandre s'est entretenu tres longuement avec M. Barthou. P.1.). После возложения

венков к г. Барту подошёл капитан Генерального Штаба и начал, показывая карты, рассказывать о том, как в том самом месте храбро сражались за свою столицу в октябре 1915 г. сербские солдаты.

Затем последовал целый ряд встреч Л. Барту с различными высокопоставленными лицами Югославии: министром иностранных дел Евтичем (с которым обсудил насущные проблемы международной политики), затем премьер-министром Узуновичем, кроме того, французский министр был встречен президентом ассоциации ветеранов и жертв войны и различными патриотическими ассоциациями.

По сообщениям французской прессы, «представитель Франции передал по радио приветствие от французского народа югославскому. После этого радиостанция Белграда запустила выдержки из речей господина Барту и, в частности, признательность, которую он выразил Сербии в 1916 г., выступая на церемонии в Сорбонне» [84]. В Югославии всегда особо чтилась память о Первой мировой войне, и человек, в тот тяжёлый для Сербии момент оказывающий ей какую-либо помощь, вызывал глубокое уважение.

К концу наполненного встречами утра французский министр был приглашён на приём к королю Югославии Александру Карагеоргиевичу во дворец на холме Дединье в Белграде. Их встреча продолжалась более часа. По мнению газеты «L'Homme Libre», «казалось, что король особенно счастлив принять у себя члена французского правительства» [81]. Затем их беседа была прервана обедом, который устраивал югославский суверен в честь своего гостя. На обеде также присутствовал принц Павел, двоюродный брат короля. В завершении встречи Александр I вручил Луи Барту знак отличия – большой крест Ордена Белого Орла. Король обещал, что совершит ответный визит осенью в Париж. В конце дня состоялся прощальный банкет, устроенный г. Евтичем в честь французского гостя, на который также были приглашены представители французской прессы. Г. Евтич провозгласил тост в честь французского президента г. Альбера Лебрана. Г. Барту несколько раз на протяжении банкета выступал с пламенной речью, в своих тостах всячески восхваляя югославский народ, его особенные

национальные черты и благородную историю: «Гармоничное разнообразие национальных добродетелей большой югославской семьи, героизм и гордость, стойкость, идеализм и верность закрепляют за вашей страной привилегированное место в европейской цивилизации» [86].

На встрече Луи Барту с королём Югославии и другими представителями югославского правительства обсуждался ряд важных вопросов международной политики.

Одним из насущных вопросов как французской, так и югославской политики за всё время своего существования (1921–1938 гг.) оставалась Малая Антанта. В 1934 г., как мы знаем, был образован Балканский союз, который так же, как и Малая Антанта, считался в Европе блоком государств, смотрящих на Францию как на своего рода государство-покровителя. В иностранной прессе 1934 года встречались статьи, которые заверяли общественность в империалистической политике Третьей Республики. Развитие франко-югославских отношений воспринималось как опасное продвижение Франции в балканский регион, имевшее окончательной целью установления там режима, подчинённого непосредственно правительству Республики. Англия оказалась в числе тех стран, которые активно выразили своё неприятие расширению франко-югославского сотрудничества. «L'Humanité» отмечала, что Великобритания живо отреагировала на встречу Луи Барту с представителями югославского правительства, так как эта поездка «не руководствуется методами Женевы» [87]. Такую реакцию можно объяснить многолетними чаяниями британского правительства на обладание балканским регионом.

Французская передовая пресса старались парировать на такие выпады соседних европейских стран. Корреспонденты всячески старались заверить общественность в миролюбивости политики Третьей Республики и её многолетних чаяниях об установлении прочной системы коллективной безопасности, основанной на новообразованных Антантах. Так, в «Le Temps» во время визита Луи Барту в Белград отмечалось: «Что касается Центральной Европы, она (*Е.К. – Малая Антанта*) хочет сотрудничества со всеми заинтересованными странами, без

установления какого-либо блока государств, который мог бы противостоять другому блоку; она не хочет ни ревизии территориальных статей действующих договоров, ни реставрации Габсбургов, ни Аншлюса Австрии в какой-либо форме» [77]. Таким образом, позиция руководства Франции относительно задачей новообразованных союзов оставалась прежней.

На встрече Луи Барту с королём Александром особое внимание было уделено набиравшей в то время силу политике ревизионизма Германии, Италии, Австрии и Венгрии. Франция, как гарант границ европейских стран, утверждённых в международных договорах после Первой мировой войны, выступала против любых проявлений ревизионизма, о чём неоднократно заявлялось как в передовой французской печати, так и в речах высших лиц Третьей Республики. В Белграде Луи Барту утверждал в своём заявлении перед журналистами: «Ревизионистская политика не только не справедлива, но и противна воле народов; она представляет собой большую опасность и несёт в себе ростки войны» [88]. В конечном счёте, слова главы французской дипломатии оказались пророческими.

Однако следует отметить, что между Югославией и Францией с одной стороны и ревизионистскими державами отнюдь не было никакой конфронтации. Напротив, развивались двусторонние сотрудничества. Третья Республика в то время особенное внимание уделяла сотрудничеству с Италией. Луи Барту во время визита в Белград ввёл короля Александра в курс дела о ведущихся в то время франко-итальянских переговорах. Во французской прессе отмечалось, что Третья Республика желает, чтобы в конце концов был заключён договор между Францией, Италией и Югославией – таким образом, была возрождена давняя идея, которую «на время в своё время пришлось оставить» [86]. Здесь, вероятно, подразумевается сотрудничество трёх государств в рамках Антанты в годы Первой Мировой войны: однако корреспондент явно не учитывал тот факт, что Италия в 1918 г. не желала создания Югославии, особенно в тех границах, которые были ей предусмотрены – откуда и шли корни итало-югославского противостояния. Вопросы между этими государствами-соперниками и пытались затушевать

в 1934 г. французское правительство, на страницах передовых газет создавалась некоторая идеализация отношений между бывшими союзниками.

Помимо проблем, касающихся отношений Югославии с западноевропейскими странами, во время визита Луи Барту поднимался вопрос о признании Югославии Советского Союза. Глава французской дипломатии отметил, что Югославия – единственная из стран Малой Антанты, которая не признала СССР. Чехословакия и Румыния признали его на конференции Малой Антанты в Бухаресте (18–20 июня), которая прошла буквально за несколько дней до визита Луи Барту в Белград. Французский министр присутствовал на последнем дне заседания конференции и передал королю Александру его разговор с «хорошо информированными людьми»: «... они убедили меня, что признание Югославией СССР – это вопрос нескольких недель» [86]. Однако прошло несколько месяцев – вопрос оставался нерешённым. Как считается рядом исследователей, проблема признания СССР поднималась снова осенью 1934 г., непосредственно перед поездкой короля Александра в Марсель, что будет рассмотрено нами в следующей главе.

Не все газеты придерживались восхищённой позиции относительно визита Луи Барту в Белград. Довольно любопытно проследить то, как описывается эта поездка главы французской дипломатии на страницах коммунистической газеты «L'Humanité». В номере от 25 июня 1934 г. (информация даётся в ней от 24 июня) есть статья со звучным названием «Французский империализм и народы Югославии», в которой мы читаем своего рода насмешку над пафосом французской официальной прессы, описывающей приём французского дипломата в Белграде, и над «королевской диктатурой Карагеоргиевичей». Спонтанность и восторг югославов от визита Луи Барту заковычиваются и провозглашаются махинациями югославского короля и даже психозом. Более того, визит главы французской дипломатии в Белград сравнивается с поездкой эрцгерцога Франца Фердинанда в Сараево 28 июня 1914 г. Само королевство представляется коммунистической газетой как чудовище, пожирающее близлежащие земли и «невероятно распухшее благодаря договорам 1919 г.». И вот, Луи Барту, совсем не «ангел мира»,

приехал на «Ближний Восток» (Балканы с XIX в. считались частью именно Ближнего Востока), который всегда был «бочкой с порохом», и стал провозглашать с трибун свои «зажигательные речи». Визит французского министра в Румынию (где он уверял правительство в том, что в случае некоторой угрозы для хоть одного квадратного сантиметра румынской территории Франция моментально придёт на помощь) приравнивается к действиям венгерского ревизионизма и посылкой Софией своих комитаджи на югославскую территорию – всё это, по мнению корреспондента «L'Humanité» «является провокацией к европейской и мировой войне», так как выводит на первый план старые балканские конфликты. Так, коммунисты активным образом выступали против «империализма» буржуазной Франции.

Вопросы, освещённые в ходе обмена визитами между Францией и Югославией, были снова обсуждаемы в интервью французских корреспондентов с представителями правительств стран-союзниц.

§ 3. Интервью от 1 июля 1934 г. французского журналиста с г. Евтичем

Через две недели после своего визита югославский министр иностранных дел господин Евтич дал интервью французским журналистам. Глава дипломатии ответил на вопросы, касающиеся наиболее острых проблем международной ситуации в Европе, и охарактеризовал основное направление внешней политики своего Королевства.

Среди актуальных тем в балканской политике оставался албанский вопрос. Албания, являясь самым молодым государством в регионе, получившим независимость только в 1912 г., а кроме того населённым преимущественно мусульманским населением, была в некоторой степени ущемляема такими мощными соседними странами, как Югославия и Италия, будучи «лакомым кусочком» для обоих государств, желавших присоединить к себе плодородный регион, обладающий выгодным геополитическим положением с обширным выходом в Средиземное море и, по их мнению, не имевшим право на существование в связи с тем, что эти территории долгое время входили в состав разных государств: так, часть её территории в течение около века входила в состав так называемого Первого

Болгарского царства, а после взятия Константинополя крестоносцами (1204 г.) территории современной Албании были попеременно под властью венецианцев, Эпирского царства, Неаполитанского королевства и Сербского королевства.

Итак, в начале XX в. это новообразованное государство, которая долгое время была яблоком раздора между Италией и Югославией, в 1930-е гг. также оставалось предметом напряжения в отношениях двух средиземноморских государств. Албания, эта преимущественно засушливая страна и плохой производитель сельскохозяйственной продукции, испытывала финансовую нестабильность. Французский корреспондент задаётся вопросом: «И возможно, было бы лучшее решение, чтобы Лига наций взяла на себя обязанность восстановить албанскую финансовую систему, как она это сделала... с финансовой системой Австрии, Венгрии, Румынии и Болгарии?» [89].

Однако ни один только албанский вопрос являлся камнем преткновения между Италией и Югославией.

Корреспондент «Le Petit Parisien» отмечал: «Между Римом и Белградом существует множество трений... их отношения, до сегодняшнего момента, если не холодны, то, по крайней мере, учтиво безразличны» [89]. Нами ранее отмечалось, что Франция желала сближения Италии и Югославии или, по крайней мере, некоторого смягчения острых вопросов между этими странами. А хотела ли того балканское Королевство?

В своём интервью Боголюб Евтич отмечал, что тот считает «соглашение между двумя державами Адриатики возможным и желательным. Югославии ничего требовать от Италии, но она также подразумевает, что от неё ничего не следует требовать». Соглашение станет возможным в любой момент при условии, что «политическая позиция решительно изменится с итальянской стороны» [89]. Таким образом, Югославия официально в дипломатически вежливой форме отказывалась от каких-либо уступок со своей стороны и пока старалась показать своё в некоторой степени благожелательное безразличие в отношении итало-югославского сближения.

Ещё одним, естественно интересующим французских корреспондентов вопросом было отношение главы югославской дипломатии к французским проектам двух региональных союзов – «Восточного Локарно» и «Средиземноморского пакта» – а точнее прессу Третьей Республики интересовал вопрос о *возможности* претворения в жизнь этих миролюбивых планов Луи Барту.

Ранее мы уже отмечали, что в Восточное Локарно глава французской дипломатии предполагал включить Третий Рейх с целью не дать повода его правительству утверждать о французском плане окружения Германии противниками. Г. Евтич в своём интервью любопытно отмечал, что в Белграде считают: «канцлер Гитлер необязательно решительно отклонит идею участия в нём (*К.Е. – Восточном Локарно*)... Министр (*Е.К. – Евтич*) предполагает, что он собирается продемонстрировать акт доброй воли и готовность к поддержанию мира» [89]. Такой пассаж можно объяснить особым внешнеполитическим курсом Гитлера, известным как «мнимое миролюбие», цель которого заключалась в убеждении Европы в исключительной неагрессивности Третьего Рейха и его желании сотрудничать с Великими Державами. Как мы видим, эта политика увенчалась успехом. Кроме того, не стоит забывать об экономических интересах Югославии в отношении одного из своих главных торговых партнёров. Таким образом, проект Восточного Локарно с включённой в него Германией вызывал исключительную поддержку балканского Королевства.

Что касается Средиземноморского пакта, в Белграде предполагалось решительное участие Югославии в этом союзе, кроме того, правительство Королевства отмечало возможность его сближения с Италией в рамках представленного соглашения – такой ответ не мог не нравиться Франции, которая к тому и стремилась. Во французской прессе отмечалось, что Великобритания также поддерживала заключение Средиземноморского пакта, поскольку тот устанавливал такое равновесие сил, при котором отменялись все подозрения относительно «русского проникновения со стороны Чёрного моря» [89].

На следующий день после интервью господина Евтича последовала встреча французской журналистки Люсьен Бурге с королём Югославии Александром Карагеоргиевичем

*Глава 3. Марсельское убийство (9 октября 1934 г.) как рубеж
во франко-югославских отношениях*

Наиболее изученным и в то же самое время вызывающим до сих пор бурные дискуссии сюжетом во франко-югославских отношениях являются поездка Луи Барту и короля Александра в Марсель и осуществлённые в этом городе политические убийства высших представителей югославского и французского правительств и некоторых лиц, сопровождавших их. Это покушение, в отличие от предшествующих попыток аттентата, оказалось, как мы знаем, удавшимся – и, как считают многие исследователи, это произошло по ряду причин, которые оставались загадкой и предметом дискуссий в течение нескольких десятилетий после совершённого убийства. Впрочем, и в настоящий момент существуют разные мнения относительно причин, целей и участников Марсельского аттентата.

*§1. Интервью французской журналистки с королём
Александром Карагеоргиевичем (2 июля 1934 г.)*

Король Александр, намереваясь совершить поездку во Францию осенью 1934 г. (о чём им было официально объявлено), дал интервью французской журналистке Люсьен Бурге из газеты «Le Petit Parisien», чтобы ответить на интересующие европейскую интеллектуальную общественность вопросы касательно внешней политики Югославии и общей международной ситуации в Европе. Для того чтобы приступить к изучению этого интервью, следует обратиться к самой личности главы балканского государства и к тому, как его воспринимали во Франции.

Александр Карагеоргиевич стал королём в августе 1921 г. после смерти своего отца короля Петра и обещал управлять государством в соответствии с Видовданской конституцией. В январе 1929 г. основной закон Королевства был приостановлен, а Скупщина – распущена. Королевство сербов, хорватов и словенцев было переименовано в королевство Югославия, что подчёркивало

централизаторское желание правительства образовать из разрозненных народов балканского государства единое общество «югославян». Таким образом, до сентября 1931 г. Александр управлял государством, по донесению Форин Оффиса, как «неконституционный автократический суверен» [73]. 3 сентября 1931 г. королём была дарована октроированная конституция.

Король Александр поражал современников своей противоречивостью во всём: начиная от курса его внутренней и внешней политики и заканчивая его внешностью и манерами. Во многом известный в Западной Европе как диктатор, чуть ли не поработитель народов Югославии и угнетатель любых видов демократии, видя его и с ним общаясь, многие буквально «гипнотизировались» силой его обаяния. Так и французская журналистка «Le Petit Parisien» отмечала, что до встречи с королём представляла его себе «немного жёстким, суровым, очень военным...», однако уже после беседы с ним она его характеризовала как «великого солдата, великого дипломата, великого государя..., также человека прекрасного, доброжелательного и полного шарма» [74].

Король Александр осознавал, что его рассматривают за рубежом как деспотичного правителя, однако, по мемуарам Женеви́евы Табуи, нам известно, как сам глава югославского королевства относился к своему долгу перед государством и тому, что его называли «диктатором»; следующие слова были произнесены им в продолжение визита Луи Барту в Белград: «Существует три вида диктаторов, господин министр: прирождённые диктаторы, как Муссолини, диктаторы поневоле, как, например, Примо де Ривера, и диктаторы в силу привычки – те, кто лишь исполняет долг, к чему их приучили с детства. Этих последних – а я принадлежу к их числу – называют диктаторами только потому, что это модное слово, ибо, когда я распустил югославский парламент на три года, я не совершал диктаторских действий, как считал ваш (*Е.К. – французский*) парламент, я лишь отдавал себе отчёт в том, что какая бы то ни было гражданская война в Югославии означала бы конец для моей страны» [68].

В своих мемуарах французские современники зачастую не без восхищения описывали его внешность и умение держать себя: так, Женеви́ева Табуи даёт

следующую характеристику: «Стройный, элегантный, с выправкой, немного напоминающей военную, король Александр, обладающий острым умом, мистически настроенный человек с большими грустными глазами за маленьким пенсне...» [68].

Во французской прессе король описывается как герой, великий человек, при жизни ставший легендой. Его сравнивали с королём Бельгии Альбертом, который, как и Александр, стал символом эпохи, ещё будучи совершенно юным правителем – оба отличились смелостью и мудростью в годы Первой мировой войны. По иронии судьбы, бельгийский король погиб несколькими месяцами ранее Александра Карагеоргиевича.

(Альберт I – король Бельгии с 17 декабря 1909 г. по 17 февраля 1934 г. из Саксен-Кобург-Готской династии, погибший в 1934 г., по официальным сведениям, сорвавшись со скалы вблизи Марш-Ле-Дам, Бельгия. Король с молодости увлекался альпинизмом).

Такой образ короля-военного югославский правитель имел не только в своей стране и во Франции, но и в целом в Европе. Дипломаты Форин Оффиса отмечали: «Армия любила короля Александра. Он всегда был в первую очередь солдатом» [73, с. 533]. Это и не удивительно, ведь король сам создавал себе такой образ, подкреплённый своим героическим участием в Первой мировой войне. Обыкновенно на приёмах он был одет в белую униформу, нося орден-звезду династии Карагеоргиевичей на шее.

Однако не во всех странах король Александр описывался так восхищённо, как это умело делала французская пресса. Британский Форин Оффис, как видно из краткой характеристики, представленной в годовом отчёте по Югославии за 1934 г., не старался как-то приукрасить образ короля. Скорее – наоборот. Так, характер югославского суверена описывался следующим образом: «...он унаследовал некоторые черты характера, которые делают сербов такими склонными к подозрительности и интригам (Е.К. – эта фраза – прекрасный пример того, какой стереотип по отношению к сербам в целом существовал в Великобритании). Его дед, Николай Черногорский, был одним из самых ловких балканских

политиков, и король Александр, кажется, обладает некоторыми из его характеристик. Во всяком случае, он унаследовал стремление избавляться от всякого препятствия, становящегося на его пути...» [73, с. 458].

Такая противоречивость в отношении к королю Александру доказывает тот факт, что образ любого политика (в зависимости от курса правительства того или иного государства, которое его оценивает) можно скорректировать до неузнаваемости и обернуть как позитивной стороной, так и негативной в соответствии со своими внешнеполитическими целями. Теперь следует более подробно остановиться непосредственно на интервью французской журналистки с королём Александром и изучить те вопросы, которые обсуждались в продолжение их беседы.

В своей статье журналистка Люсьен Бурге красочно и восхищённо описывала, как она оказалась в прекрасном королевском дворце в Дединье, построенном совершенно недавно по поручению Александра и выбранным самим югославским сувереном в качестве королевской резиденции. Корреспондентка описывала, как её встречал полковник Стоянович, «правая рука» короля, который отвёл её в библиотеку, где, дожидаясь встречи с главой Югославии, она восхищалась прекрасным видом из окна, «газонами на террасах и грациозным бассейном, где кувшинки дремали под пылающим солнцем. С королевской возвышенности Дединья, за садами и казармами, где размещается голубая гвардия короля, дорога теряется вдаль в изгибах Савы и лесах Шумадии» [74]. Да, безусловно, французы умеют красиво писать! Однако и югославы не изменяют себе в умении принимать гостей – Люсьен Бурге отмечает: «Я не могла бы себе представить приём более царственный и более любезный в то же время» [74].

Король объяснялся с журналисткой на французском с непринуждённостью – Александр привык говорить по-французски с детства, этот язык был языком общения в семье Карагеоргиевичей – только на нём он разговаривал с королём Петром, и в дальнейшем югославский суверен, почитая семейную традицию и гордясь тесными связями с Третьей Республикой, общался со своей женой, королевой Марией, и тремя своими детьми на французском. Французский – язык

дипломатии, на нём и говорили король и журналистка о назревших вопросах международных отношений.

В 1934 г. в европейских странах происходили события, которые многими публицистами и членами правительств расценивались как отзвуки грядущей войны. Поэтому, естественно, французская журналистка не могла обойти этот вопрос стороной и спросила мнение югославского короля относительно возможности наступления в скором времени новой мировой трагедии. Александр Карагеоргиевич, по донесениям французских газет, относился ко всем мрачным прогнозам скептически, считая, что нет оснований готовиться к новой войне. По мнению короля, фундамент для поддержания мира особенно окрепнет, если «Франция и Германия однажды смогут договориться между собой напрямую..., без посредников» [74]. Ну а Югославии следовало развивать региональное сотрудничество, и Александр высказывал крайнее одобрение тому, что удалось создать объединение балканских государств в рамках Антанты. Главной целью этого союза король считал непоколебимую защиту против действий, направленных на угнетение балканских народов, как это происходило в прошлом. Балканские народы не допустят потери независимости собственных государств, ведь они «более не хотят играть роль инструмента» [74]. И в этом им должна помочь Франция как в некоторой степени «идейный вдохновитель» системы региональных союзов. Югославский суверен неоднократно официально объявлял о близости двух народов (югославского и французского) и необходимость их взаимного сближения. Так, на встречах с журналистами в 1934 г., особенно уже после визита Луи Барту в Белград, король Александр заверял их в прочной преданности югославского народа французскому и с благодарностью отмечал военное мужество Франции, пришедшей на помощь южным славянам в годы Первой Мировой войны. Отмечалось также и то, что Третья Республика помогла им реализовать идеал собственного югославянского государства. При ответе на вопросы французской журналистки относительно отношений двух государств речь короля Александра облеклась в некоторой степени уже штампированные, но грациозные эпитеты, описывающие дружбу двух «братских народов». Югославский

суверен отмечал особую, неповторимую, ни с чем другим не сравнимую франко-югославскую связь: «Не существует более других народов, которые понимали бы и любили бы друг друга больше, чем югославский и французский народы» [74].

Поразительно, как французы попадали (или хотели попадать?) под обаяние этого суверена. Высокопарные слова, провозглашавшие мистическую связь двух народов, действовали очаровывающе на журналистов. Причём эта околдовывающая сила отмечалась теми, кто непосредственно под неё хоть раз попадал. Так, завершая репортаж о проведённом интервью с югославским королём, Люсьен Бурге писала: «И произнеся эти последний слова (*Е.К. – они даны нами в предшествующей цитате*), которые прозвучали отчётливо и живо (*nettes et vibrantes*), король Александр улыбнулся той самой улыбкой глаз, губ, лба и всего лица, которая околдовывает всех тех, кто имел величайшую честь к нему приблизиться» [74]. Франция, желая иметь Юго-Восточную Европу в качестве своей сферы влияния, готова была очаровываться югославскими суверенами до тех пор, пока ей это было выгодно. Когда же произойдёт смена внешнеполитических ориентиров руководства Третьей Республики, другие личности будут овладевать её вниманием.

Итак, в 1934 г. между Францией и Югославией состоялся обмен встречами на высшем уровне, на которых обсуждались самые волнующие обе страны вопросы: прежде всего, это были проблемы ревизионизма Третьего Рейха, Италии, Австрии и Венгрии, которые не могли не волновать Третью Республику, не желавшую расшатывания Версальского миропорядка, столь выгодного для неё, и Югославию, чья территориальная целостность, в случае осуществления агрессивных намерений реваншистских держав, оказалась бы под угрозой. На двусторонних встречах обсуждались проекты различных региональных союзов, имевших своей целью закрепить статус-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе. Такого рода общие проекты, безусловно, сблизили оба государства, однако, во многом, остались в стадии планов, из-за набиравшего мощь ревизионизма.

§2. Визит Александра Карагеоргиевича во Францию

и Марсельский аттентат

Жизнь короля Александра уже несколько раз до этого подвергалась опасности. Так, Луис Адамич отмечал: «Первое покушение... было осуществлено 29 июня 1921 коммунистом по имени Стейич, который бросил бомбу в кортеж, в котором он (*Е.К. – Александр Карагеоргиевич, в то время принц-регент*) ехал с премьером Пашичем из Скупщины, где он дал торжественную присягу придерживаться Конституции, принятой днём ранее. Усташи Анте Павелича планировали убить его 14 декабря 1933 г., когда он приехал с визитом в Загреб, но план потерпел неудачу» [71].

Покушения совершались и на видных политических деятелей Югославии и других стран, входящих в орбиту французского влияния: так, в октябре 1933 г. усташи заминировали под Загребом экспресс, в котором ехали министры иностранных дел из стран Малой Антанты – Эдуард Бенеш, Николае Титулеску и Боголюб Евтич, но в последнюю минуту вагон министров был заменён, поэтому эта террористическая акция провалилась. Однако уже 29 декабря 1933 г. был убит румынский премьер-министр Ион Дука. Следующие год не обещал быть мирным годом. Тучи сгущались. Как отмечал советский историк Н.В. Попов: «Нечто зловещее происходило в Европе в 1934 г.» [39].

Считается, что перед поездкой в Марсель и Луи Барту, и короля Александра одолевали тяжёлые предчувствия скорой кончины. Луис Адамич в своих воспоминаниях воспроизводит в некотором смысле мистический сюжет о визите к королю Александру какой-то женщины перед его поездкой в Софию в сентябре 1934 г.: по её словам, «во сне она разговаривала с его отцом, последним королём Петром, который сказал ей, что он видел Александра всего покрытого кровью, и приказал ей рассказать это королю». Александр был невероятно обеспокоен и, по позднейшему свидетельству современников, стал более мягок и деликатен к своим подчинённым, а однажды даже послал за Франьо Бастелом, астрологом из Загреба, который якобы сказал королю, что тот не переживёт 1934 год... [71]. Скорее всего, эти истории о невероятных предсказаниях скорой гибели короля Александра являются позднейшими слухами, распространявшимися по всей

Европе и даже добравшимися до США благодаря югославской эмиграции. Слухи питались той непонятной ситуацией, которая сложилась сразу после Марсельского аттентата: убийцы пойманы, но их личности определить чётко не удаётся, кто является виновником произошедшего – не совсем понятно, связаны ли с покушением диктаторские режимы Гитлера и Муссолини, являлись ли политические убийства актом ревизионистских государств – и если да, то в какой степени? Многие вопросы оставались открытыми – однако факт остаётся фактом – 1934 г. стал последним годом для короля Александра и рубежным для политических курсов Франции и Югославии и для их двусторонних отношений.

Обратимся непосредственно к подробностям подготовки несостоявшейся встречи Луи Барту и царственного представителя династии Карагеоргиевичей.

Двусторонняя встреча была инициирована французской стороной – непосредственным вдохновителем её был Луи Барту, который с конца сентября 1934 г. подготавливал проект договорного комплекса, известного как Средиземноморская Антанта, в который должны были войти Франция, Италия и страны Малой и Балканской Антант. Этот союз был направлен на укрепление Средиземноморского статус-кво и гарантировал бы независимость Австрии. Как отмечал видный исследователь внешней политики Третьей Республики К.А. Малафеев: «Проектируемое соглашение стало бы дипломатическим мостом между Балканской Антантой и участниками «Римских протоколов» [17, с. 149]. Для Луи Барту первостепенной целью было наладить отношения Югославии и Италии. Об этом широко было известно французской общественности из прессы (*Le Petit Parisien*, *Le Temps*, *L'Homme Libre*).

Кроме того, существовала ещё одна версия задач франко-югославской встречи, которая была изложена послом США в Третьем Рейхе Уильям Додд в своём дневнике: «Визит короля имел целью создать коалицию Франции, Италии и Югославии против Германии и Польши» [67, с. 199]. В любом случае, для осуществления обоих планов требовалось улучшение итало-югославских отношений, которые к тому времени были очень натянутыми вследствие нерешённости территориальных вопросов, поэтому Луи Барту, для осуществления своего плана

создания очередного союза государств под эгидой Франции, должен был убедить короля Александра пойти на соглашение с Муссолини. Такова была официальная цель французской дипломатии, Луи Барту мечтал о её осуществлении.

Кроме того, выдвигается ещё одна версия целей югославского правительства: король Александр перед поездкой во Францию якобы заявил своим доверенным лицам о том, что он едет на встречу с Барту для дальнейшего признания Югославией Советского Союза. Исследователи не могут ни опровергнуть, ни подтвердить данное предположение, так как в Марселе не было достигнуто никаких соглашений – признание Югославией Советского Союза состоялось только в апреле 1941 г. Таким образом, цели Марсельского визита остаются предметом дискуссий до сих пор, более 80 лет спустя.

Место франко-югославской встречи было выбрано неслучайно. Марсель – город, из которого в начале Первой мировой войны на помощь Сербии отправились французские войска, здесь же после Великой войны был поставлен памятник французским солдатам, погибшим на Балканах. Поэтому в планы франко-югославской встречи входило совместное посещение этого памятника, король Александр и генерал Жорж должны были возложить на него венок в память о боевом союзе Сербии и Франции.

Югославский эсминец «Дубровник» прибыл в Марсель в 14 часов по французскому времени 9 октября 1934 г. Короля Югославии встречали Луи Барту и генерал Жозеф Жорж, который в годы Первой мировой войны был начальником штаба Салоникского фронта. Александр Карагеоргиевич «был одет в адмиральскую форму. Его шляпа с пером белой цапли подчёркивала его мужественную гордость, благородство его лица, бравый вид его солдатских эполет, военную походку» [90].

Король Югославии был облачён в парадный адмиральский мундир с лентой Почётного легиона, из высокопоставленных лиц его сопровождал военно-морской министр Пьетри. Оттуда они на моторной лодке отправились к Бельгийской набережной (Кэ-де-Бельж) Старого порта. Затем король Александр сел в машину со своей свитой, Барту и Жорж – в другую, и вся делегация поехала в

префектуру, где должно было состояться торжественное заседание. Однако, как отмечалось современниками трагедии и исследователями Марсельского аттентата, по счастливой случайности (случайности ли?) для террористов, принимающей стороной не были приняты надлежащие меры безопасности: советский историк Н.В. Попов так описывал неподготовленность службы безопасности к принятию высокопоставленных гостей в столь ненадёжное время для всей Западной Европы: «Полицейские стояли на расстоянии всего 10 метров, не было сопровождающих мотоциклов (*К.Е. – они были направлены в какое-то другое место*) или кавалерии. Открытый лимузин тоже нельзя было использовать в столь опасной обстановке: он двигался со скоростью четырёх километров в час вместо положенных двенадцати» [3, с. 534]. Кроме того, югославская охрана не была допущена к высадке на французский берег, предложения британского Скотланд-Ярда помочь в обеспечении безопасности гостей также были отклонены [17, с. 154]. Некоторыми современниками предполагалось, что такая халатность была допущена не случайно. По словам словенского публициста Луиса Адамича, «кто-то или какая-то группа лиц в Париже решили или договорились, что в случае покушения на короля в Марселе те, кто ответственен за его охрану, не сделают ничего, чтобы предотвратить покушение» [71]. В этом утверждении, по-видимому, шла речь о некой французской группировке, которой было бы выгодно убийство короля Александра и Луи Барту и изменение политического курса обоих государств. До сих пор о такого рода сообщниках нам ничего не известно. Правда, цели убийц всё же были претворены в жизнь.

Когда машины с югославскими высокопоставленными гостями и представителями французского правительства стали сворачивать на площадь Биржи, раздался свист, на подножку лимузина вскочил террорист и открыл огонь из пистолета. Так был тяжело ранен генерал Жорж (он в скором времени скончался), король Александр получил семь пуль в голову и грудь, Барту был тяжело ранен. В префектуре врачи пытались спасти югославского короля, но около 14 часов 20 минут (то есть всего через 20 минут с торжественной встречи в Старом порту) он умер, даже не приходя в сознание. По словам премьер-министра Б.

Евтича, последнее, что сказал умирающий король был завет: «Храните мою Югославию». Вероятно, это был очередной миф, сложившийся вокруг Марсельского аттентата, однако господин Евтич уверовал в это королевское наставление, придуманное, правда, им самим. По замечанию Луиса Адамича, «после выстрелов Александр не был в состоянии сказать что-либо, но ловкая маленькая выдумка Евтича помогла ему стать следующим премьер-министром Югославии...» [71] – его назначение произошло уже в декабре 1934 г.

Барту был ранен не смертельно, однако на него в прямом смысле не обратили никакого внимания (ужасающая халатность!). Только через 45 минут главе французской дипломатии удалось остановить санитарную машину (самому!), однако министр потерял сознание в госпитале из-за потери крови, и врачи уже ничего не смогли сделать. По мнению Н.В. Попова, «помощь опоздала, по крайней мере, на полчаса» [39, с. 535].

Французские газеты пестрили на первых страницах фотографиями убитого короля Александра, его несчастной вдовы Марии и 11-летнего сына – наследника престола Петра II. На обложке «Le Petit Journal» даже была представлена фотография момента убийства, переданная в Париж по бильдаппарату, ранней технологии факсимильной связи. На ней мы видим убийцу, который забрался прямо на подножку машины, в которой сидел король Александр (См. Приложение).

Трагедия послужила на руку газетчикам – уже в первые часы после выстрелов она стала сенсацией, обёрнутой мантией мистицизма. Корреспондент «Le Petit Journal», не забывая о тренде франко-югославской дружбы, писал: «Снова нерушимый союз Франции и югославского народа, вероятно, будет скреплён этой жертвой и кровью...» [90, с. 525].

Была совершена траурная церемония в Марселе, и, как писал в своём дневнике французский министр Эдуард Эррио, «точно через 24 часа после своего прибытия Александр вновь оказался на борту «Дубровника», но «на этот раз уже в гробу» [70, с. 525]. 18 октября в белградском соборе состоялась траурная панихида.

Убийца, идентифицированный как Владо Георгиев Черноземски (по поддельному паспорту – Калеман), был пойман полицией, тяжело ранен и умер в тот же день около 8 часов вечера в больнице. Он был членом ВМРО (на его левом плече была обнаружена специальная татуировка) и вошёл в контакт с усташами после 1931 г. Его сообщники (Звонимир Поспишил, Иван Райич, Миле Краль), также пойманные несколько дней спустя, были хорватами и, возможно, членами усташского движения – французское расследование назвало их чехословацкие паспорта подделкой. 13 февраля 1936 г. они были приговорены к пожизненным каторжным работам, однако (!!!) в 1941 г. после немецкой оккупации Югославии по распоряжению из Берлина они были отпущены французской полицией.

Анте Павелич и Славко Кватерник, лидеры хорватского сепаратистского движения, чьё расследование Лиги Наций обвинило в планировании убийства, сбежали в Италию. Она, наряду с Венгрией и Германией, непосредственно поддерживала усташское и македонское революционные движения. Муссолини отказался выдавать преступников французским властям.

Германский след кроется в самом названии Марсельской операции – «Гевтонский меч» – некоторыми исследователями (Н.В. Попов, К.А. Малафеев, В.К. Волков [6]) даже даётся предположение, что план непосредственно был разработан в Берлине Германом Герингом и Альфредом Розенбергом, руководителем заграничного отдела нацистской партии.

Интересно, что во французских газетах от 10 октября 1934 г. предлагалась следующая версия трагических событий: убийцы, на самом деле, не замыслили никакой агрессии по отношению к французской стороне. Так, в «Le Petit Journal» приводится такое замечание: «Вполне вероятно, что убийца, мститель за злополучные междоусобные распри, намеревался совершить именно цареубийство. Но судьба, которая сильнее человека, использовала руку убийцы и распорядилась, чтобы французская кровь перемешалась с югославской кровью, чтобы засвидетельствовать силу французской дружбы и искренность душевного порыва (*l'élán*), который мы испытывали к суверену нашего дружественного народа» [90]. С таким высказыванием трудно согласиться, так как оно вообще не

опирается ни на какие-либо факты. Имеются сведения о том, что чуть ранее в 1934 г. на французского министра уже было спланировано покушение. Так, К.А. Малафеев пишет: «О том, что Барту намечен в качестве объекта террористического акта, говорил и тот факт, что в июне, во время возвращения французского министра из Чехословакии, в его поезд, следовавший через Австрию, была брошена бомба» [17, с. 153]. Однако, как мы знаем, факты используются в качестве аргументации только в том случае, если это кому-то выгодно.

Такого же рода патетика будто оправдывала убийцу по отношению к французскому правительству, ведь с него, фактически, снимался весь груз ответственности за смерть главы французской дипломатии. Уже на следующий день после трагедии Третья Республика избрала путь капитуляции перед террористами, явно имевшими поддержку ревизионистских держав. По нашему мнению, такие действия являлись предтечей политики «умиротворения».

Итак, Франция, по замечанию Сетона-Уотсона, «любой ценой хотела заключения договора с Италией против поднимающей голову Германии, и поэтому надавила на Югославию, чтобы та ничего не сказала об итальянской доле в преступлении» [91], и в лице нового министра иностранных дел Пьера Лавала обвинила только Венгрию в совершённом преступлении, в то время как общественно известным фактом стала прямая поддержка, оказываемая Муссолини усташскому движению и ВМРО.

Третья Республика, правда, опасалась резкой реакции Югославии по отношению к Венгрии – возможно, даже ультиматума по примеру австро-венгерского ультиматума Сербии в 1914 г. Однако Франция могла оставаться спокойной – такого рода реакции не могло последовать, так как наследником югославского трона стал малолетний сын Александра Пётр II, регентами при котором вплоть до 1941 г. были принц Павел Карагеоргиевич (двоюродный брат короля Александра), Раденко Станкович (бывший министр просвещения в 1934 г.) и Иво Перович, бан Савской бановины (территория Хорватии) – они не были людьми, обладавшими особой опытностью в политических вопросах или являвшимися сильными харизматичными личностями, идущими в сравнение с королём

Александром. Принц Павел, став фактически во главе балканского Королевства, совершенно не подходил для этой роли. По замечанию Луиса Адамича, он «не любил ни Сербию, ни Белград... В 1918 г. он отказался участвовать в наступлении Салоникской армии даже в качестве работника Красного Креста» [71, с. 354]. Таким образом, Югославия была передана в руки людям довольно посредственным и мало заинтересованным в разворачивании решительной и распланированной политики Королевства.

Убийство короля ненадолго консолидировало Югославию, впервые сербы и другие народы Королевства явили единый патриотический порыв. Эдуард Бенеш отмечал в своей речи перед Палатой депутатов и Сенатом Чехословакии: «...мы увидели по всей территории Югославии эти проявления огромной скорби, но в то же самое время единения и силы, решимости и достоинства... Это было великолепным согласием с идеей югославского единства и принципов внешней политики, которую покойный король защищал и олицетворял перед всем миром» [92].

Это общее чувство, правда, быстро затихло из-за отсутствия поддержки правительством, беспрекословно принявшим все резолюции Лиги Наций, что стало тяжёлым уроком для Югославии. Эта была очередная пощёчина балканским народам: их король был убит, настоящие преступники избежали наказания, а Италия даже не была упомянута среди тех, кто был ответственным в содеянном, что было фактически предательством их юго-восточного союзника. Американский исследователь Энтони Комджати отмечал: «Наиболее уважаемый друг Югославии Франция заставила югославов закрыть глаза на вину Италии с тем, чтобы не спугнуть возможность франко-итальянского сближения» [50, с. 89]. Если уж не вышло Луи Барту связать все три государства единым союзом, то Третьей Республике хотелось хотя бы не портить прямых отношений со столь нестабильным соседом, как фашистская Италия.

Югославия, которую, правда, Франция всячески продолжала заверять в своей дружбе и желании дальше развивать дипломатическое сотрудничество (в некотором роде, по инерции; на деле никаких значительных дружественных

шагов более не предпринималось), фактически оказалась в политической изоляции. Однако вместо того чтобы решать этот вопрос как можно более расторопно, принц Павел, не особо заинтересованный в исполнении своих непосредственных политических задач, не спешил проводить решительные действия.

Таким образом, никто фактически больше не вставал на пути Гитлеру в деле распространения его могущества в Европе. Как писал Уилер-Беннет, отмечая роль личностей короля Александра и Луи Барту в деле охранения Европы от гитлеровского влияния: «двое из главных противников нацистской экспансии были уничтожены в один момент» [72, с. 171].

Заключение

На протяжении десятилетий Балканы бездумно назывались «пороховой бочкой Европы». Балканы были бочкой, но Великие Державы наполняли её порохом. Затем вся Европа и весь мир стали бочкой... [71, с. 350].

После убийства короля Югославии Александра Карагеоргиевича и министра иностранных дел Франции Луи Барту произошла смена политических ориентиров в обеих странах – теперь их политический курс заключался не в обоюдном сближении, а в стремлении улучшить отношения с Германией (а такой курс противоречил крепкой франко-югославской дружбе и вообще всей французской системе союзов, столь ненавистной нацистскому правительству, не желавшему иметь в Европе какой-либо иной центр силы и притяжения других государств, кроме собственного), вступить с ней в крепкие торговые и политические отношения. Новый французский министр иностранных дел Пьер Лаваль считал необходимым для государственных интересов Франции сблизиться с Италией и Германией, которые в то время уже представляли значительную угрозу для мира в Европе. Таким образом, «с гибелью Луи Барту Югославия и её союзники по Балканскому пакту потеряли в лице французской дипломатии чётко ориентированную антигерманскую поддержку со стороны одной из великих держав, заинтересованной в стабильности в Европе» [4, с. 68–69]. Этому высказыванию вторили заметки французских современников этих трагических событий, ими отмечалась смена вектора правительства Третьей Республики с самостоятельного курса

выстраивания системы коллективной безопасности на умиротворение агрессоров – политический курс, ставший удобным плацдармом для расширения экспансионистских устремлений Третьего Рейха и Италии. «За время своего пребывания на посту министра иностранных дел Лаваль не только разрушил всё, что было сделано Барту, но и заложил основы для будущего разгрома Франции. Он помог Гитлеру одержать грандиозную победу во время плебисцита в Саарской области; он допустил первое открытое нарушение Версальского договора, а именно введение всеобщей воинской повинности в Германии; он подписал франко-советский пакт о взаимной помощи и сделал всё для того, чтобы лишить его какого бы то ни было значения; он поддержал Италию во время войны с Абиссинией; он подорвал систему коллективной безопасности, опирающуюся на Лигу наций,» [69, с. 68–69] – вот как оценивал работу нового главы министерства на Кэ д'Орсэ французский журналист Андре Симон. Югославия всё более втягивалась в водоворот борьбы великих держав, которые осуществляли «тихую экспансию» экономическими средствами [4, с. 113]. Так, объём торговли Германии с Югославией, который уже с конца 1920-х гг. был отмечен довольно высокими показателями, после гибели короля Александра вырос почти в два раза (с 36 млн рейхсмарок за 1934 г. до 61 млн за 1935 г.! [20, с. 225]).

Общественность во Франции и Югославии, в отличие от их правительств, оказалась более верной той дружбе, благородные чувства к которой были им всё же привиты проправительственной прессой. По мнению Душана Батаковича, «убийство короля Югославии Александра I и Луи Барту в Марселе в октября 1934 г., ставших первыми жертвами фашизма в Европе, подтолкнуло развитие франко-сербской дружбы» [43, с. 11].

Однако время двигалось неминуемо вперёд. Становилось понятным, что франко-югославская духовная дружба оказалась мифом, ведь никто не предпринимал никаких конкретных шагов, чтобы помочь друг другу. С отходом от взаимовыгодного сотрудничества Франция и Югославия оказались в подчинённом положении по отношению к набиравшему мощь Третьему Рейху. Такого рода зависимость, связанная с отсутствием в правительстве обоих государств сильных

личностей, способных на самостоятельный политический курс, приводила к падению темпов развития. Вместе с двумя сильными харизматичными политиками уходит целая эпоха, в европейской истории наступает время, в которое главную роль берёт на себя тоталитаризм и диктат, оттеснив на второй план взаимовыгодное сотрудничество и «братскую любовь».

Современники, читая газетные статьи и узнавая о том, что происходит на международной арене, боялись будущего. Эдуард Бенеш отмечал: «1935 г. будет ещё одним тяжёлым годом для Европы и для нас» [92, с. 32].

Список литературы

1. Агансон О.И. Балканский региональный порядок в условиях распада Версальской многополярности (конец 1930-х годов) // Новая и новейшая история. – 2018. – №1. – С. 10–25.
2. Аникеев В.Е. История французской прессы (1830–1945). – М., 1999.
3. Буханов В.А. Политика Срединноевропейского экономического совета в Дунайском бассейне и на Балканах в начала Второй Мировой войны (сент. 1939 – июль 1941) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке, 1932–1945. – Свердловск, 1984. – С. 89–103.
4. Васильева Н. Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке) / Н. Васильева, В. Гаврилов. – М., 2000.
5. Ватлин А.Ю. Германия в XX веке. – М., 2002.
6. Волков В.К. К историографии вопроса об убийстве короля Александра и Луи Барту в Марселе в октябре 1934 г. – М., 1966.
7. Волков В.К. Операция «Тевтонский меч». – М., 1966.
8. Волков В.К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты 1933–1938. – Москва, 1966.
9. Животич А. Југословенско-Совјетски односи. 1939–1941 године. – Београд, 2016.
10. Захарова М.В. Французская газета «Тан»: исторический очерк (1861–1942 гг.) // Медиаскоп. – 2014. – Вып. №3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/1556> (дата обращения: 01.02.2018).

11. Зеленин В.В. Король Александр Карагеоргиевич. 1888–1934 // Пленники национальной идеи. Политические портреты лидеров Восточной Европы (первая треть XX в.). – М., 1993. – С. 137–161.
12. Зубарева Е.Ю. Германо-югославские отношения в 1933–1937 годах и кризис Версальской системы в Юго-Восточной Европе. Дис... канд. ист. наук. – М., 2001.
13. Каплан Р. Балканские призраки. Пронзительное путешествие сквозь историю. – М., 2016.
14. Коматина И. Сербия в Первой мировой войне // К 100-летию Первой мировой войны: война, социум, международные отношения: Материалы научной конференции. – Екатеринбург, 2015. – С. 70–83.
15. Крюковская А.Э. Политика Франции в Юго-Восточной Европе в 1930-х гг. / А.Э. Крюковская, Е.В. Лазарева // К 100-летию Первой мировой войны: война, социум, международные отношения: Материалы научной конференции. – Екатеринбург, 2015. – С. 244–249.
16. Кузьмичёва А.Е. Варшава или Москва? Зондажный визит Луи Барту в Польшу в 1934 г. // Славянский Альманах. – 2016. – №1.2. – С. 126–135.
17. Малафеев К.А. Луи Барту: политик и дипломат. – М., 1988.
18. Малафеев К.А. Операция «Тевтонский меч» // Тайны политических убийств. – Ростов н/Д, 1997. – С. 375–424.
19. Мельников Д.Е. Преступник №1. Нацистский режим и его фюрер / Д.Е. Мельников, Л.Б. Чёрная. – М., 1981.
20. Мишин А.В. Позиция Югославии в отношении Германии в период диктатуры короля Александра // Гуманитарный вектор. – 2012. – №2 (30). – С. 223–227.
21. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания. – М., 1996.
22. Павлов Н.В. Внешняя политика Третьего Рейха (1933–1945) // MGIMO.ru. – Январь 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mgimo.ru/study/faculty/mo/keuroam/docs/210929 (дата обращения: 01.02.2018).

23. Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / Под ред. Л.С. Белоусова, А.С. Маныкина. – М., 2014.
24. Писарев Ю.А. Сербия и Черногория в Первой мировой войне. – М., 1968.
25. Постников А.С. Конференция в Монтрё 1936 г. и позиция Франции // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1983. – С. 19–32.
26. Постников А.С. Салоникское соглашение 31 июля 1938 г. и позиция Франции // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1981. – С. 59–72.
27. Рябоконь С.И. Дипломатическая деятельность Луи Барту в странах Малой Антанты в период переговоров о Восточном пакте (апрель-июль 1934) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1987. – С. 95–107.
28. Рябоконь С.И. Позиция Малой Антанты в период переговоров о Пакте четырёх // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. – Свердловск, 1973. – Сб. 2. – С. 160–187.
29. Рябоконь С.И. Позиция стран Балканской Антанты в период переговоров о Восточном пакте (февраль-октябрь 1934) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. – Свердловск, 1977. – Вып. 6. – С. 3–28.
30. Рябоконь С.И. Политика Франции в странах Малой Антанты в 1932–1933 гг. (от плана «Тардье» до Организационного пакта Малой Антанты) // Международные отношения на Балканах и Ближнем Востоке. – Свердловск, 1988. – С. 43–62.
31. Рябоконь С.И. Противодействие гитлеровской Германии советско-французскому пакту о взаимопомощи 1935 г. на Балканах (визит Геринга в Будапешт, Софию и Белград в мае-июне 1935 г.) // Политика великих держав в Центральной Европе, на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. – Свердловск, 1989. – С. 52–64.

32. Рябоконь С.И. Рейнский кризис и Балканская Антанта (март-май 1936) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. – Свердловск, 1979. – Вып. 8. – С. 5–20.
33. Рябоконь С.И. Роль Франции в создании Балканской Антанты (1933 – февраль 1934) // Балканы и Ближний Восток в новейшее время. – Свердловск, 1975. – Сб. 4. – С. 21–40.
34. Смирнова Н.Д. Союзы стран балкано-дунайского региона в системе европейской безопасности // Европа между миром и войной 1918–1939. – М., 1992.
35. Станков Н.Н. Международная деятельность Э. Бенеша после Локарнской конференции (октябрь-декабрь 1925 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2013. – С. 107–116.
36. Суслова Л.Ю. Внешняя политика Франции в год окончания и первые несколько лет после Первой мировой войны // К 100-летию Первой мировой войны: война, социум, международные отношения: Материалы научной конференции. – Екатеринбург, 2015. – С. 265–268.
37. Сухорукова Л.Н. Ежедневная пресса и формирование общественного мнения во Франции. – М., 1993.
38. Харитонов Н.А. Внешняя политика Королевства Югославия до убийства короля Александра в 1934 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 3 ч. Ч. I. – Тамбов: Грамота, 2011. – №7 (13). – С. 181–187.
39. Попов Н.В. Убийства в Марселе // Цареубийства: Гибель земных богов. – М., 1998. – С. 529–538.
40. Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. – М., 2004.
41. Язькова А.А. Малая Антанта в европейской политике 1918–1925 гг. – М., 1974.
42. Batakovic D. French Influence in Serbia 1835–1914: Four Generations of 'Parisians' // *Balkanica*. – 2010. – Vol. XLI. – P. 93–130.

43. Batakovic D. La Serbie et la France. Une Alliance atypique. Relations politiques, economique et culturelles. 1870–1940. – Belgrade, 2010.
44. Benson L. Yugoslavia: A Concise History. – L., 2004.
45. Campus E. The Little Entente and the Balkan Alliance. – Bucharest, 1978.
46. Djokic D. Elusive compromise. A history of Interwar Yugoslavia. – L., 2007.
47. Gale Stokes. Three eras of political change in Eastern Europe. – Oxford, 1997.
48. Goldsworthy V. Inventing Puritania. The Imperialism of the Imagination. – L., 2013.
49. Kitchen M. Europe between the wars. A political history. – N.Y., 1988.
50. Komjathy A.T. The crises of France's East Central European Diplomacy 1933–1938. – N.Y., 1976.
51. Mazower M. The Balkans. A short history. – N.Y., 2000.
52. Pavlowitch S.K. A history of the Balkans, 1804–1945. – L.-N.Y., 1999.
53. Pavlowitch S.K. The improbable survivor. Yugoslavia and its problems, 1918–1988. – Columbus, 1988.
54. Polonsky A. The little dictators. The history of Eastern Europe since 1918. – Boston, 1975.
55. Rotschild J. East Central Europe between the Two World Wars. – Seattle and London, 1974.
56. Steiner Z. The lights that failed. European international history, 1911–1933. – N.Y, 2005.
57. Steiner Z. The triumph of the dark. European international history, 1933–1939. – N.Y, 2011.
58. Todorova M. Imagining the Balkans. – Oxford, 2009.
59. Waltz K.N. Man, the State and War. – N.Y., 1959.
60. L'Homme Libre (janvier, mars, juin, juillet, septembre, octobre, 1934).
61. L'Humanité (juin, octobre, 1934).
62. Le Petit Journal (octobre, 1934).
63. Le Petit Parisien (juin, juillet, octobre, 1934).
64. Le Temps (janvier, juin, octobre, 1934).

65. Речи Эдуарда Бенеша перед Парламентом Чехословакии // *Le sens politique de la tragedie de Marseille*. – Prague, 1934.
66. Отчёты по Югославии за 1934 год британского Форин Оффиса: Jarman R.L. – *Yugoslavia. Political Diaries*. Vol. 2: 1927–1937. Slough: Archive Editions, 1997.
67. Додд У. Дневник посла Додда. – М., 2005.
68. Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. – М., 2005.
69. Симон А. «Я обвиняю!» О тех, кто предал Францию // О тех, кто предал Францию. – М., 1941. – С. 9–196.
70. Эррио Э. Из прошлого: между двумя войнами 1914–1936. – М., 1958.
71. Adamic L. *My native land*. – N.Y., 1943.
72. Wheeler-Bennett J. *Knave Fools and Heroes in Europe between the wars*. – N. Y., 1974.
73. Jarman R.L. *Yugoslavia. Political Diaries...*
74. Avec le roi Alexandre au Château de Dedigne // *Le Petit Parisien*. – 03.07.1934. – P. 1.
75. L'importance politique de la Yougoslavie en Europe Centrale et son développement // *L'Homme Libre*. – 26.06.1934. – P. 1.
76. La visite de M. Louis Barthou à Belgrade // *Le Temps*. – 25.06.1934. – P. 1.
77. La colonie yougoslave en France // *Le Temps*. – 06.10.1934. – P. 4.
78. M. Jevtitch sera ce soir à Paris // *Le Petit Parisien*. – 10.06.1934. – P. 3.
79. Le voyage de M. Jevtitch à Paris // *Le Temps*. – 11.06.1934. – P. 2.
80. La haute portée de la visite à Paris de M. Jevtitch // *Le Petit Parisien*. – 11.06.1934. – P.1.
81. M. Louis Barthou a été reçu hier par le roi Alexandre // *L'Homme Libre*. – 26.06.1934. – P. 1.
82. En attendant M. Louis Barthou // *Le Temps*. – 24.06.1934. – P.2.
83. Le voyage de M. Barthou // *Le Temps*. – 25.06.1934. – P. 1.
84. M. Barthou en Yougoslavie. L'enthousiasme des populations // *Le Temps*. – 25.06.1934. – P. 6.

85. Le roi Alexandre s'est entretenu très longuement avec M. Barthou // Le Petit Parisien. – 26.06.1934. – P.1.

86. Les entretiens diplomatiques de M. Barthou en Yougoslavie // Le Petit Parisien. – 26.06.1934. – P. 3.

87. M. Barthou a conféré hier avec M. Jevtitch et le roi Alexandre // L'Humanité. – 26.06.1934. – P. 3.

88. M. Barthou est rentré hier matin à Paris // Le Petit Parisien. – 29.06.1934. – P. 1.

89. Après la visite de M. Barthou a Belgrade // Le Petit Parisien // 02/07/1934. P. 1.

90. Le roi Alexandre Ier assassiné à Marseille par un Croate qui est abattu aussitôt // Le Petit Journal. – 10.10.1934. – P.1.

91. Hugh Seton-Watson Op. cit. – P. 377.

92. Benes E. Vers un regroupement...

References

1. Aganson, O.I. (2018). Balkanskii regional'nyi poriadok v usloviakh raspada Versal'skoi mnogopoliarnosti (konets 1930-kh godov). *Novaia i noveishaia istoriia*, 1, 10–25.

2. Anikeev, V.E. (1999). *Istoriia frantsuzskoi pressy (1830-1945)*. M.

3. Bukhanov, V.A. (1932). Politika Sredinnoevropeiskogo ekonomicheskogo so-veta v Dunaiskom basseine i na Balkanakh v nachala Vtoroi Mirovoi voiny (sent. 1939. *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i1945*, 89–103. Blizhnem Vostoke-; Sverdlovsk.

4. Vasil'eva, N., & Gavrilov, V. (2000). Balkanskii tupik? (Istoricheskaiia sud'ba Iugoslavii v XX veke). M.

5. Vatlin, A.Iu. (2002). *Germaniia v XX veke*. M.

6. Volkov, V.K. (1966). K istoriografii voprosa ob ubiistve korolia Aleksandra i Lui Bartu v Marsele v oktiabre 1934 g. M.

7. Volkov, V.K. (1966). *Operatsiia "Tevtonskii mech"*. M.

8. Volkov, V.K. (1966). *Germano-iugoslavskie otnosheniia i razval Maloi Antanty 1933–1938*. Moskva.

9. Zhivotich, A. (2016). *Jugoslovensko-Sovjetski odnosi. 1939–1941 godine*. Beograd.
10. Zakharova, M.V. (2014). *Frantsuzskaia gazeta "Tan": istoricheskii ocherk (1861-1942 gg.)*. *Mediascope*, 3. Retrieved from <http://www.mediascope.ru/1556>
11. Zelenin, V.V. (1993). Korol' Aleksandr Karageorgievich. 1888–1934. *Pleniki natsional'noi idei. Politicheskie portrety liderov Vostochnoi Evropy (pervaia tret' XX v.)*, 137–161. M.
12. Zubareva, E. Iu. (2001). Germano-iugoslavskie otnosheniia v 1933-1937 godakh i krizis Versal'skoi sistemy v Iugo-Vostochnoi Evrope. Dis... kand. ist. nauk. M.
13. Kaplan, R. (2016). Balkanskii prizraki. Pronzitel'noe puteshestvie skvoz' istoriiu. M.
14. Komatina, I. (2015). Serbiia v Pervoi mirovoi voine. *K 100-letiiu Pervoi mirovoi voiny: voina, sotsium, mezhdunarodnye otnosheniia*, 70–83. Ekaterinburg.
15. Kriukovskaia, A.E., & Lazareva, E.V. (2015). Politika Frantsii v Iugo-Vostochnoi Evrope v 1930-kh gg. *K 100-letiiu Pervoi mirovoi voiny: voina, sotsium, mezhdunarodnye otnosheniia*, 244–249. Ekaterinburg.
16. Kuz'michiova, A.E. (2016). Varshava ili Moskva? Zondazhnyi vizit Lui Bartu v Pol'shu v 1934 g. *Slavianskii Al'manakh*, 1.2, 126–135.
17. Malafeev, K.A. (1988). Lui Bartu. M.
18. Malafeev, K.A. (1997). Operatsiia "Tevtonskii mech". *Tainy politicheskikh ubiistv*, 375-424. Rostov n/D.
19. Mel'nikov, D.E., & Chiornaia, L.B. (1981). Mel'nikov D.E Prestupnik 1. Natsistskii rezhim i ego fiurer. M.
20. Mishin, A.V. (2012). Pozitsiia Iugoslavii v otnoshenii Germanii v period diktatury korolia Aleksandra. *Gumanitarnyi vektor*, 2 (30), 223–227.
21. Noel'-Noiman, E. (1996). Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniia. M.
22. Pavlov, N.V. Vneshniaia politika Tret'ego Reikha (1933-1945). – *Ianvar' 2012*. Retrieved from MGIMO.ru.

23. Belousova, L.S., & Manykina, A.S. (2014). *Pervaia mirovaia voina i sud'by evropeiskoi tsivilizatsii*. M.
24. Pisarev, Iu.A. (1968). *Serbiia i Chernogoriia v Pervoi mirovoi voine*. M.
25. Postnikov, A.S. (1983). Konferentsiia v Montrio 1936 g. i pozitsiia Frantsii. *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke v noveishee vremia*, 19–32. Sverdlovsk.
26. Postnikov, A.S. (1981). Salonikskoe soglasenie 31 iiulia 1938 g. i pozitsiia Frantsii. *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke v noveishee vremia*, 59–72. Sverdlovsk.
27. Riabokon', S. I. (1987). Diplomaticheskaia deiatel'nost' Lui Bartu v stranakh Maloi Antanty v period peregovorov o Vostochnom pakte (aprel'-iiul' 1934). *Politika velikikh derzhav na Balkanakh i Blizhnem Vostoke v noveishee vremia*, 95-107. Sverdlovsk.
28. Riabokon', S. I. (1973). Pozitsiia Maloi Antanty v period peregovorov o Pakte chetyriokh. *Balkany i Blizhnii Vostok v noveishee vremia*, 160-187. Sverdlovsk.
29. Riabokon', S.I. (1977). Pozitsiia stran Balkanskoi Antanty v period peregovorov o Vostochnom pakte (fevral'-oktiabr' 1934). *Balkany i Blizhnii Vostok v noveishee vremia*, 6, 3–28. Sverdlovsk.
30. Riabokon', S.I. (1988). Politika Frantsii v stranakh Maloi Antanty v 1932–1933 gg. (ot plana "Tard'e" do Organizatsionnogo pakta Maloi Antanty). *Mezhdunarodnye otnosheniia na Balkanakh i Blizhnem Vostoke*, 43-62. Sverdlovsk.
31. Riabokon', S.I. (1989). Protivodeistvie gitlerovskoi Germanii sovetsko-frantsuzskomu paktu o vzaimopomoshchi 1935 g. na Balkanakh (vizit Geringa v Budapesht, Sofiiu i Belgrad v mae-iiune 1935 g.). *Politika velikikh derzhav v Tsentral'noi Evrope, na Balkanakh i Blizhnem Vostoke v noveishee vremia*, 52–64. Sverdlovsk.
32. Riabokon', S.I. (1979). Reinskii krizis i Balkanskaia Antanta (mart-mai 1936). *Balkany i Blizhnii Vostok v noveishee vremia*, 8, 5–20. Sverdlovsk.
33. Riabokon', S.I. (1975). Rol' Frantsii v sozdanii Balkanskoi Antanty (1933). *Balkany i Blizhnii Vostok v noveishee vremia*, 21–40. Sverdlovsk.

34. Smirnova, N.D. (1992). Soiuzy stran balkano-dunaiskogo regiona v sisteme evropeiskoi bezopasnosti. *Evropa mezhdu mirom i voinoi 1918–1939*. – M.
35. Stankov, N.N. (2013). Mezhdunarodnaia deiatel'nost' E. Benesha posle Lokarnskoi konferentsii (oktiabr'-dekabr' 1925 g.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*.
36. Suslova, L.Iu. (2015). Vneshniaia politika Frantsii v god okonchaniia i pervye neskol'ko let posle Pervoi mirovoi voiny. *K 100-letiiu Pervoi mirovoi voiny: voina, sotsium, mezhdunarodnye otnosheniia*, 265–268. Ekaterinburg.
37. Sukhorukova, L.N. (1993). Ezhenedel'naia pressa i formirovanie obshchestvennogo mneniia vo Frantsii. M.
38. Kharitonova, N.A. (2011). Vneshniaia politika Korolevstva Iugoslaviia do ubiistva korolia Aleksandra v 1934 g. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. V 3 ch. Ch. I*, 7(13), 181–187. Tambov: Gramota.
39. Popov, N.V. Ubiistva v Marsele. *Tsareubiistva: Gibel' zemnykh bogov*. – M., 1998, 529–538.
40. Shubin, A.V. (2004). Mir na kraiu bezdny. Ot global'nogo krizisa k mirovoi voine. 1929-1941 gody. M.
41. Iaz'kova, A.A. (1974). Malaia Antanta v evropeiskoi politike 1918-1925 gg. M.
42. Batakovic D. French Influence in Serbia 1835–1914: Four Generations of 'Parisians' // *Balkanica*. – 2010. – Vol. XLI. – P. 93–130.
43. Batakovic D. La Serbie et la France. Une Alliance atypique. Relations politiques, economique et culturelles. 1870–1940. – Belgrade, 2010.
44. Benson L. Yugoslavia: A Concise History. – L., 2004.
45. Campus E. The Little Entente and the Balkan Alliance. – Bucharest, 1978.
46. Djokic D. Elusive compromise. A history of Interwar Yugoslavia. – L., 2007.
47. Gale Stokes. Three eras of political change in Eastern Europe. – Oxford, 1997.
48. Goldsworthy V. Inventing Puritania. The Imperialism of the Imagination. – L., 2013.
49. Kitchen M. Europe between the wars. A political history. – N.Y., 1988.

50. Komjathy A.T. The crises of France's East Central European Diplomacy 1933–1938. – N.Y., 1976.
51. Mazower M. The Balkans. A short history. – N.Y., 2000.
52. Pavlowitch S.K. A history of the Balkans, 1804–1945. – L.-N.Y., 1999.
53. Pavlowitch S.K. The improbable survivor. Yugoslavia and its problems, 1918–1988. – Columbus, 1988.
54. Polonsky A. The little dictators. The history of Eastern Europe since 1918. – Boston, 1975.
55. Rotschild J. East Central Europe between the Two World Wars. – Seattle and London, 1974.
56. Steiner Z. The lights that failed. European international history, 1911–1933. – N.Y., 2005.
57. Steiner Z. The triumph of the dark. European international history, 1933–1939. – N.Y., 2011.
58. Todorova M. Imagining the Balkans. – Oxford, 2009.
59. Waltz K.N. Man, the State and War. – N.Y., 1959.
60. L'Homme Libre (janvier, mars, juin, juillet, septembre, octobre, 1934).
61. L'Humanité (juin, octobre, 1934).
62. Le Petit Journal (octobre, 1934).
63. Le Petit Parisien (juin, juillet, octobre, 1934).
64. Le Temps (janvier, juin, octobre, 1934).
65. (1934). Rechi Eduarda Benesha pered Parlamentom Chekhoslovakii. *Le sens politique de la tragedie de Marseille*. -. Prague.
66. Jarman, R.L. (1997). Otchioty po Iugoslavii za 1934 god britanskogo Forin Offisa: Slough: Archive Editions.
67. Dodd, U. (2005). Dnevnik posla Dodda. M.
68. Tabui, Zh. (2005). Dvadtsat' let diplomaticheskoi bor'by. M.
69. Simon, A. (1941). "Ia obviniaiu!" O tekh, kto predal Frantsiiu. *O tekh, kto predal Frantsiiu*, 9-196. M.
70. Errio, E. (1958). Iz proshlogo. M.

71. Adamic L. My native land. – N.Y., 1943.
72. Wheeler-Bennett J. Knaves Fools and Heroes in Europe between the wars. – N. Y., 1974.
73. Jarman R.L. Yugoslavia. Political Diaries...
74. Avec le roi Alexandre au Château de Dedigne // Le Petit Parisien. – 03.07.1934. – P. 1.
75. L'importance politique de la Yougoslavie en Europe Centrale et son développement // L'Homme Libre. – 26.06.1934. – P. 1.
76. La visite de M. Louis Barthou à Belgrade // Le Temps. – 25.06.1934. – P. 1.
77. La colonie yougoslave en France // Le Temps. – 06.10.1934. – P. 4.
78. M. Jevtitch sera ce soir à Paris // Le Petit Parisien. – 10.06.1934. – P. 3.
79. Le voyage de M. Jevtitch à Paris // Le Temps. – 11.06.1934. – P. 2.
80. La haute portée de la visite à Paris de M. Jevtitch // Le Petit Parisien. – 11.06.1934. – P.1.
81. M. Louis Barthou a été reçu hier par le roi Alexandre // L'Homme Libre. – 26.06.1934. – P. 1.
82. En attendant M. Louis Barthou // Le Temps. – 24.06.1934. – P.2.
83. Le voyage de M. Barthou // Le Temps. – 25.06.1934. – P. 1.
84. M. Barthou en Yougoslavie. L'enthousiasme des populations // Le Temps. – 25.06.1934. – P. 6.
85. Le roi Alexandre s'est entretenu très longuement avec M. Barthou // Le Petit Parisien. – 26.06.1934. – P.1.
86. Les entretiens diplomatiques de M. Barthou en Yougoslavie // Le Petit Parisien. – 26.06.1934. – P. 3.
87. M. Barthou a conféré hier avec M. Jevtitch et le roi Alexandre // L'Humanité. – 26.06.1934. – P. 3.
88. M. Barthou est rentré hier matin à Paris // Le Petit Parisien. – 29.06.1934. – P. 1.
89. Après la visite de M. Barthou à Belgrade // Le Petit Parisien // 02/07/1934. P. 1.
90. Le roi Alexandre Ier assassiné à Marseille par un Croate qui est abattu aussitôt // Le Petit Journal. – 10.10.1934. – P.1.

91. Hugh Seton-Watson Op. cit. – P. 377.

92. Benes E. Vers un regroupement...

Княжева Екатерина Олеговна – студентка ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова», Россия, Москва.

Kniazheva Ekaterina Olegovna – student at the Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow.
